МГУ им. М.В. Ломоносова
Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)
Программа Фулбрайта в России

XXI Гуманитарная летняя школа

Творческое письмо и новые профили гуманитарного образования

26—29 августа **2018** г.
Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна»

Оглавление

- *Brewster Ghisdin*. Introduction to *The Creative Process*, University of California Press, 1985, pp. 11-31

Воркшоп «Конфликт и проблема дискоммуникации»

- *Андрей Аствацатуров*. Филология и литература: возможен ли диалог?
- *Антон Чехов*. Враги (1887)
- *Редьярд Киплинг*. Лиспет (1886)
- *Редьярд Киплинг*. За чертой (1885)
- *Генри Джеймс*. Письма Асперна (1888) (отдельным файлом)

Дискуссия «Преподавание литературы на писательский манер: обсуждаем рассказ Толстого»

- *Лев Толстой*. Три смерти (1858)
- *Лев Толстой*. Письмо к индусу (1908)

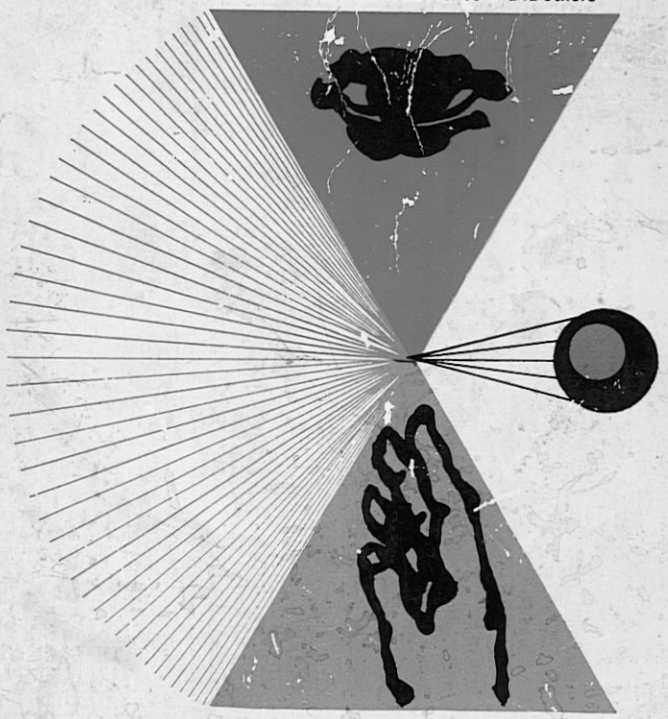
- Рекомендуемая библиография от Криса Меррилла

A MENTOR BOOK • 451-ME2329 (CANADA $4.50) • U.S. $3.95

the creative process

Edited by BREWSTER GHISELIN

Explained in their own words by thirty-eight brilliant men and women including:
Albert Einstein • Vincent Van Gogh • Yasuo Kuniyoshi • Friedrich Nietzsche
Carl Gustav Jung • Mary Wigman • A. E. Housman • W. B. Yeats • Henry James
Henry Moore • Thomas Wolfe • D. H. Lawrence • and others



INTRODUCTION

INTEREST in the creative process is not exactly a new development. A story told of the working habits of Euripides may be apocryphal; but both Plato and Aristotle had something to say of the creative process, and from time to time during the next two thousand years other writers touched upon it. Early in the nineteenth century interest in it increased. Blake, Wordsworth, Coleridge, Shelley, and Keats all had their say. Poe's "Philosophy of Composition" became an incitement to further attention. Interest in the subject is still growing.

Besides a good deal of objective discussion of the creative process, chiefly by philosophers, psychologists, and other scientists, a large amount of comment and description of individual processes and insights has accumulated, most of it fragmentary, some of it not perfectly reliable. Among these materials the most illuminating and entertaining are the more full and systematic descriptions of invention and the reflections upon it made by the men and women most in position to observe and understand, the thinkers and artists themselves. Perhaps the greatest body of such writing is the monumental work of Henry James, the prefaces to the New York edition of his work.

Some of the reasons for attention to the creative process are practical. One incentive for compiling this anthology, a selection of some of the more revealing discussions of invention, is that insight into the processes of invention can increase the efficiency of almost any developed and active intelligence. Not even the most vigorously creative minds always find their way quickly to efficiency. Yet many creative workers have little knowledge of the pertinent materials and would not know where to look for them. Some of the richest and most useful are scattered and out-of-the-way. There is, moreover, no large collection of statements about the creative process that is much more than a compendium of fragments. It has therefore seemed worth while to bring together some of the longer and more complete source materials, exhibiting a fairly full range of methods in the various fields of activity. Having read through such a selection of writings one will not simply have observed the fundamentals, which are all but inescapable. One should have acquired a sense of the bearing of these fundamentals, a feeling for the whole process, and a lively sense of the divergencies of individual approach and procedure.

Today, when widespread, deep, and rapid changes are taking place in the very structure of our lives, whether we desire it or not, and when still other changes seem necessary to preserve us from disaster, understanding of the creative process is particularly important because it can assist in the control of these difficult developments. The creative process is the process of change, of development, of evolution, in the organization of subjective life. The inventive minds through whose activity that evolution has been initiated and in large part accomplished have usually been the only ones much concerned with it. Their efforts have rarely been sustained by society, and have sometimes even been hindered. There is little comfort in reflecting that vital change has gone on despite all opposition or indifference, that the work of Galileo was done and put to use in spite of obstruction and that Bartok composed a great deal of music while enduring the neglect that left him in sickening poverty. There is no way of estimating how much the development of humanity has been lamed by such delay and waste. Simply the self-interest of mankind calls for a more general effort to foster the invention of life. And that effort can be guided intelligently only by insight into the nature of the creative process. Understanding the activities of those who supply the needs of life, both their own and others', by defining some fresh organization of subjective processes, we may help them to get their work done. Opening our minds to their insights and putting them to what use they may have, we may assist in the creative process, which completes itself only as the products of invention transform the environment the inventor breathes.

The human mind is prepared to wrap the whole planet in a shroud, and the exercise of all our best effort and ingenuity has produced no assurance whatever that it will be deterred from that end. The prolonged failure of traditional means in dealing with this problem does not prove those means useless. It does strongly suggest their inadequacy. For, as knowledge of the creative process drives us to conclude, although a problem which stubbornly resists solution by traditional means may perhaps be insoluble, the probability is rather that those means are themselves inadequate: the concepts, attitudes, and procedures employed are probably at fault and in need of being transcended in a fresh approach. The only reasonable step, at this point, then, is to act upon the supposition that our problems in world crisis, as at other times, may be soluble only creatively—that is, by a profound and thorough alteration of our inner life and of the outer forms in which life finds expression and support. Certainly some changes are requisite. The necessary change, if it comes at all, may have to be so quick and sharp an evolution as to seem revolutionary. If it does not

come soon, if the limiting forms of our consciousness, the sometimes too-rigid patterns of current thought and feeling, are not shaped quickly to meet the needs of life, there is grave danger that they will simply continue to possess us until too late.

One might suppose it easy to detect creative talent and to recognize creative impulse and creative work. But the difficulties are considerable. Because every creative act overpasses the established order in some way and in some degree, it is likely at first to appear eccentric to most men. An inventor ordinarily must begin in isolation and draw the group to himself only as it is discovered, sometimes very slowly, that he has invented some part of what they are in need of. At the beginning of his struggle for realization his originality may achieve no more striking manifestation than an extreme dissatisfaction with established order.

Vincent van Gogh must have felt some such dissatisfaction when in 1880 he wrote to his brother Theo about his feeling that he was one of those men who are somehow mysteriously imprisoned, "prisoners in an I-don't-know-what-for horrible, horrible, utterly horrible cage." As we know, the trouble was not that van Gogh was incapable of action. It was rather that he had not found that expression of his impulses which would satisfy him. He writes further of "the man who is doomed to remain idle, whose heart is eaten out by an anguish for work, but who does nothing because it is impossible for him to do anything, because he is as it were imprisoned in something. Because he hasn't got just that which he needs in order to be creative. Because the fate of circumstances has reduced him to a state of nothingness. Such a man often doesn't know himself what he might do, but he feels instinctively: yet am I good for something, yet am I aware of some reason for existing! I know that I might be a totally different man! How then can I be useful, how can I be of service! Something is alive in me: what can it be!"

How are we to differentiate this expression of the artist's sense of his unrealized possibilities from the petulance of incapacity dissatisfied with its lot? There seems no immediate way to do so. The criterion is the proof of production by the artist, if he is able to find himself. But I suspect that he does not always find himself, that he may look in the end like nothing more than an ineffectual misfit.

Van Gogh's uncertainty as to what he might be is typical. The inventor, whether artist or thinker, creates the structure of his psychic life by means of his works. As C. G. Jung remarks: "The work in process becomes the poet's fate and determines his psychic development. It is not Goethe who creates *Faust*, but *Faust* which creates Goethe." Yet it is only as the

work is done that the meaning of the creative effort can appear and that the development of the artist brought about by it is attained. This is why the creative urge may be at first so extremely vague as hardly to identify itself. The terms of its expression are not to be found in the world, but must be invented: the simplest terms of the new order have yet to be discovered and made explicit.

Even to the creator himself, the earliest effort may seem to involve a commerce with disorder. For the creative order, which is an extension of life, is not an elaboration of the established, but a movement beyond the established, or at the least a reorganization of it and often of elements not included in it. The first need is therefore to transcend the old order. Before any new order can be defined, the absolute power of the established, the hold upon us of what we know and are, must be broken. New life comes always from outside our world, as we commonly conceive that world. This is the reason why, in order to invent, one must yield to the indeterminate within him, or, more precisely, to certain ill-defined impulses which seem to be of the very texture of the ungoverned fullness which John Livingston Lowes calls "the surging chaos of the unexpressed."

Chaos and disorder are perhaps the wrong terms for that indeterminate fullness and activity of the inner life. For it is organic, dynamic, full of tension and tendency. What is absent from it, except in the decisive act of creation, is determination, fixity, any commitment to one resolution or another of the whole complex of its tensions. It is a working sea of indecision, like the soul of a woman making up her mind. But if it were altogether without order of some kind it would be without life.

Creation begins typically with a vague, even a confused excitement, some sort of yearning, hunch, or other preverbal intimation of approaching or potential resolution. Stephen Spender's expression is exact: "a dim cloud of an idea which I feel must be condensed into a shower of words." Alfred North Whitehead speaks of "the state of imaginative muddled suspense which precedes successful inductive generalization," and there is much other testimony to the same effect.

In some invention there is consciousness of a stage yet more primitive, a condition of complete indecision—in the words of Isadora Duncan, "a state of complete suspense"—in which nothing tends toward determination, nothing of a particular character seems to be implied, in which, therefore, all is still apparently free. It is alike for thinker and artist the offering of adventure, but adventure nameless and featureless, which shall be defined by something not even in the periphery of consciousness, but rather implicit in the whole spread of the subjective life. This state in no way involves or suggests irresolution. Paradoxically it often appears as an enhancement of certainty. It is as if the mind delivered from preoccupation with particulars were given into secure possession of its whole substance and activity. This yielding to the oceanic consciousness may be a distracting delight, which as Jacques Maritain has pointed out can divert the worker from formal achievement. In this extreme the experience verges upon the religious; but it is rarely so intense or so pure, and, when it is, it is not often so enduring a preoccupation as to constitute a real threat to performance. More often it defines itself as no more than a sense of self-surrender to an inward necessity inherent in something larger than the ego and taking precedence over the established order.

Frequently the creative worker experiences first neither this sheer readiness for the new nor that vague presentiment of some novel development felt to be specific but as yet undefined. The invention may appear spontaneously and without apparent preliminaries, sometimes in the form of a mere glimpse serving as a clue, or like a germ to be developed; sometimes a fragment of the whole, whether rudimentary and requiring to be worked into shape or already in its final form; sometimes essentially complete, though needing expansion, verification, or the like. The mathematician Jacques Hadamard records that "On being very abruptly awakened by an external noise, a solution long searched for appeared to me at once without the slightest instant of reflection on my part—the fact was remarkable enough to have struck me unforgettably—and in a quite different direction from any of those which I had previously tried to follow." Spontaneous appearance of inventions very fully formed is not extremely rare, but it is by no means ordinary. Spontaneity is common, but what is given is usually far from complete. Commonly the new element appears simultaneously with some such vague intimation of further development as I have described.

Production by a process of purely conscious calculation seems never to occur. Though Poe laid claim to it, his singular testimony is not enough to establish it as a fact. It cannot and ought not to be rejected as impossible, but it does not fit the facts reported almost universally and in every field of creative work. Not only Shelley, Blake, Ernst, Henry James and many other artists of great note or of little have described some considerable part of their invention as entirely spontaneous and involuntary—that is, as automatic. Invention automatic in this sense is claimed also by a variety of intellectual workers, such as Spencer, Nietzsche, Sir W. Rowan Hamilton, C. F. Gauss. More or less of such automatism is reported by nearly every worker who has much to say about his processes, and no

creative process has been demonstrated to be wholly free from it.

Anton Chekhov has insisted that only a lunatic would create quite automatically: ". . . to deny that artistic creation involves problems and purposes would be to admit that an artist creates without premeditation, without design, under a spell. Therefore if an artist boasted to me of having written a story without a previously settled design, but by inspiration, I should call him a lunatic." But this is rather a protest against the view that completely automatic production is normal than an attempt to rule out all automatism whatever in normal invention.

Automatism appears to be fundamental in the activity which Henri Poincaré observed on the notable occasion when having drunk coffee he lay unable to sleep and became a spectator of some ordinarily hidden aspects of his own spontaneous creative activity: "Ideas rose in crowds; I felt them collide until pairs interlocked, so to speak, making a stable combination. By the next morning I had established the existence of a class of Fuchsian functions, those which come from the hypergeometric series; I had only to write out the results, which took but a few hours." Though Poincaré was conscious, he did not assume direction of his creative activity at the stage described; and as it seems to have been a sort of activity not susceptible of conscious control, apparently he could not have done so. If he is right in supposing that what he witnessed was typical of processes ordinarily subliminal, then some part of his creative process—a classical example—was automatic.

Another worker likewise of highly developed intellect, but in another field, has reported somewhat similar observations of automatic production going on under the fully wakeful eye of consciousness. In his preface to *The Ambassadors* Henry James records some conscious production so smooth and inevitable as to suggest an unconscious, wholly automatic development if consciousness had not fully operated: ". . . the *steps*, for my fable, placed themselves with a prompt and, as it were, functional assurance—an air quite as of readiness to have dispensed with logic had I been in fact too stupid for my clue." That much did happen quite automatically, though with the assent of his judgment, becomes apparent as he continues: "Never, positively, none the less, as the links multiplied, had I felt less stupid than for the determination of poor Strether's errand and for the apprehension of his issue. These things continued to fall together, as by the neat action of their own weight and form, even while their commentator scratched his head about them; he easily sees now that they were always well in advance of him. As the case completed itself he had in fact, from a good way behind, to catch up with them, breathless and a little flurried, as he best could."

From this account of spontaneous and involuntary production in a state of heightened awareness, it would appear that automatic invention, far from being a sign of diminished, imperfectly functioning consciousness, is a healthy activity supplementary to conscious invention and in no way inconsistent with it. The automatic functioning in invention is, rather than an inferior or suspect substitute (or an exalted one), an extension of activity beyond the limited scope of that which is shaped by insight, the conscious activity, which is an observant adjustment of exactly appreciated means to known ends. Something beyond that fully observable conscious construction takes place, to the advantage of consciousness, or of the consciousness able to make use of it.

The notion that automatic and conscious production are somehow opposed is not altogether groundless, however. The constructive nature of the automatic functioning argues the existence of an activity analogous to consciousness though hidden from observation, and we have therefore termed it *unconscious*. The negative prefix suggests an opposition, but it is no more than verbal, not any sort of hostility or incompatibility being implied by it, but simply the absence of consciousness. Yet a real opposition between the conscious and the unconscious activity does subsist in the limitations which the former tends to impose on the latter. The established possessions of consciousness have a way of persisting, particularly when they are part of a scheme, and of determining behavior, including a large part of that which is unconscious or imperfectly conscious. If this were not so our psychic lives would of course have little stability.

But this conservative tendency hinders the introduction of anything fundamentally new. The first impulse toward new order in the psychic life is therefore, as it must be, an impulse *away* from the clearly determined, from all that is most easily attended to and that most forcefully imprints itself upon the attention. That is, it is an impulse away from the conscious activity already in motion or potential, which would simply reduce it to itself. In the sense of this aversion, it is an impulse toward unconsciousness. This is the real opposition to which I have referred, this reaction against one another of the old order which is more or less readily realizable in the focus of attention and the potential new order developing, and often competing against it, in obscurity. It is not the two activities which are opposed, the conscious and the unconscious, but the principles acting in them.

The opposition is often dramatized in objective situations, as when van Gogh agonizes in a morbid inactivity because none of the current ways of expression can give issue to the

nameless life within him for which he has not yet found a path. As long as he tries to move in the old ways, he is frustrated. For the emphasis of desire falls upon the unrealized rather than on the explicit elements in his psychic life.

Even when an artist has found his way, the opposition between the new and the old persists, for the unrealized continues to draw him. This is true also of the scientist and creative man of action, of all inventors, who may be said to be a restless group. It has been pointed out by Jacques Hadamard that the more vigorous creative minds among the scientists are often inclined to drop a project when the less inventive begin to swarm upon it, and to go on to something fresh. Artists do this too. So Ezra Pound abandoned Imagism and other movements. Pablo Picasso creates movements but does not lead them.

The nature of this restlessness is well defined by Thomas Mann near the end of the meditations which introduce his story of Joseph: "As for me, who now draw my narrative to a close, to plunge, voluntarily, into limitless adventure (the word 'plunge' being used advisedly), I will not conceal my native and comprehensive understanding of the old man's restless unease and dislike of any fixed habitation. For do I not know the feeling? To me too has not unrest been ordained, have not I too been endowed with a heart which knoweth not repose? The story-teller's star—is it not the moon, lord of the road, the wanderer, who moves in his stations, one after another, freeing himself from each? For the story-teller makes many a station, roving and relating, but pauses only tentwise, awaiting further directions, and soon feels his heart beating high, partly with desire, partly too from fear and anguish of the flesh, but in any case as a sign that he must take the road, towards fresh adventures which are to be painstakingly lived through, down to their remotest details, according to the restless spirit's will."

The restlessness of the inventor is unending because he is an adept in realization, he has an inordinate appetite for discovery and the ability to satisfy it. He is often a specialist, with less psychic inertia than the average man, and, sometimes, with less stability. But he is not inclined, as some imagine, to mere wandering, to dizzy excursions away from the determinate. He is not a tramp. He is drawn by the unrealized toward realization. His job is, as Wordsworth says, "the widening the sphere of human sensibility. . . . the introduction of a new element into the intellectual universe." He works toward clarification, toward consciousness. That opposition between the conscious and the unconscious activities in creation which we have noticed is only superficial, or rather is only initial. The new order which creation is concerned with has an affinity for consciousness.

But because any new movement of the psychic life can find

its freedom only outside consciousness, or at least in some degree of dissociation from consciousness, it has always at first the aspect of adventurous departure from the known, in so far as it has any aspects of which we can be aware, in so far as it is not altogether subliminal. This casting loose the ties of security requires courage and understanding. It requires some courage to move alone, often counter to popular prepossessions, and toward uncertainties. And to move free of the established requires the understanding that the established is not absolute, but is only the instrumentality of life, is justified only by the service it renders to life, and has no meaning apart from vital needs.

The faithful formalist has no chance of creating anything. Hence a certain amount of eccentricity, some excess, taint, or "tykeishness" is often prized by creative minds as a guarantee of ability to move apart or aside, outside. Drugs or alcohol are sometimes used to produce abnormal states to the same end of disrupting the habitual set of the mind, but they are of dubious value, apart from the dangers of addiction, since their action reduces judgment, and the activities they provoke are hallucinatory rather than illuminating. What is needed is control and direction.

For the desirable end is not the refreshment of escape into whatever novelty may chance to offer or impose itself, but the discovery of some novelty needed to augment or supplant the existing possessions of the mind. This is as true of invention in the arts and in pure science as it is of the so-called practical inventions the immediate use of which escapes no one. It is not always so obvious. A familiar example is furnished by the Romantic movement at about the beginning of the nineteenth century, which appeared to the unsympathetic to be something like an hysterical experiment in self-indulgence, the eccentricity of an ill-balanced, undisciplined, irresponsible crew. Some still incline to this view, but their perspective appears to be special. To others it seems clear that the movement was a vital corrective. It was a turn toward balance and wholeness, largely through resumption of interest in the particular, the individual elements of the inner and the outer life in all their variety and range. It admitted to the mind a flood of stimulating and nourishing experience that had been excluded, and it allowed a fresh examination of reality and fresh formulation of meaning and assignment of values.

In a very narrow sense, the charges brought against these initiators are valid; the Romantics *were* eccentric, undisciplined, and irresponsible. Certainly they were not centered upon the established order of life. They were, however, centered upon another order which they were striving to realize. Obviously they were not disciplined to sustain the established,

because they would not submit to be; but they disciplined themselves to find and elaborate an order fit to supplant it. And they were not responsible to intrenched interests; yet in working and suffering to foster emergent ones, they proved their deep responsibility to life. What they achieved has been found to have, besides the novelty incidental to all invention, the specific kind of usefulness which was the consequence of their striving successfully toward a particular end.

Likewise in pure science the end is not novelty, but use. Neither in art nor in science is the use always anticipated. Application of a scientific truth to narrowly practical purposes may even never occur, and it often follows long after the discovery. But it is evident that in both art and science the inventor is to some degree incited and guided by a sense of value in the end sought, something very much like an intimation of usefulness. Jacques Hadamard has pointed out that although when the Greeks studied the ellipse they could not find any use for its properties which they discovered, their work was the necessary preliminary for some of the most important discoveries of Kepler and Newton. And he asserts on the authority of his own analogous experience that they were guided by esthetic feeling in their selection of the ellipse rather than some less fruitful matter. Other mathematicians have insisted on the importance of esthetic emotion as a guide in mathematical invention, among them Henri Poincaré, who has stated that what serves to bring certain ones (only the most useful) of all the teeming unconscious elements into the focus of the mathematician's attention is their power to affect his esthetic sensibility. In thus emphasizing the creative worker's dependence on affective guides rather than on any explicit intellectual process, the mathematicians are in essential agreement with the artists: William Butler Yeats believed that instinct led him to choose one subject rather than another; Willa Cather has said that the deeper sympathies dictate the choice. In all this it is clear that creative minds feel drawn toward specific material with which to work: the creative impulse is no mere appetite for novelty, for it is highly selective. It is so even when governed by no explicit idea of its end. The selection is evidence of an implicit end, however, to the nature of which the emotion is for a time the only clue. It is like the disturbance at the surface of the water which betokens activity beneath.

The end to be reached, then, in any creative process, is not whatever solid or silly issue the ego or accident may decree, but some specific order urged upon the mind by something inherent in its own vital condition of being and perception, yet nowhere in view. The creative process in its unconscious action has often been compared to the growth of a child in the womb. The comparison is a good one, as it nicely communicates the

important fact that the process is an organic development, and it helps to dispel the notion that creation is simply an act of canny calculation governed by wish, will, and expediency. But as the figure suggests a complete automatism, it is inapplicable to a larger part of the creative process; and even in the automatic stages, those termed by Henri Poincaré "unconscious work" and "inspiration," the process is not so unconscious and sure.

The fact is that the mind in creation and in preparation for it nearly always requires some management. Most creative workers pick up what they know about this by trial and error, by casual observation of themselves and others, and from such comment as they may chance upon. The consequences of learning so haphazardly are hard to estimate, but obviously they are not always good. Joseph Conrad suffered from agonizing stoppages of work, Coleridge left masterpieces unfinished. Possibly these artists were hindered by personal defects of the sort that interfere with other activities besides invention, and they may even have been beyond help. Yet it is likely that if Coleridge had only shut the door in the face of the man "from Porlock" who interrupted the composition of "Kubla Khan" he would have been able to continue the writing. But avoiding such fatal interruptions is a minor difficulty, scarcely illustrative of the problems of management. Conrad was able to leave the matter entirely to his wife.

The larger objects of management are two: discovering the clue that suggests the development to be sought, that intimates the creative end to be reached, and assuring a certain and economical movement toward that end. The indispensable condition of success in either stage of production is that freedom from the established schemes of consciousness the importance of which I have already pointed out. It is essential to remember that the creative end is never in full sight at the beginning and that it is brought wholly into view only when the process of creation is completed. It is not to be found by scrutiny of the conscious scene, because it is never there. Yet the necessary step is not retirement altogether from the conscious scene, into a meaningless blackout. Much of the meaning in that scene may survive in succeeding ones, as an essential contribution to their fresh life. What is necessary is to be able to look into the wings where the action is not yet organized, and to feel the importance of what is happening off stage. It may not seem to be much. The young artist is likely to feel that it is nothing, and to go on imitating. Yet it is only there, behind the scenes that are so largely given over to the impressive play of traditional activity, that the new can be prepared. No matter how meager, dull, disorderly, and fragmentary the off-stage action, it must be attended to. For

only on the fringes of consciousness and in the deeper backgrounds into which they fade away is freedom attainable.

We are not usually much aware of this less determinate part of our psychic life, for consciousness is dominated by system, to which we cling. The schematic consciousness is safe, more or less manageable—the tidy and reassuring world of our familiar psychic life. What lies outside is popularly regarded as the concern of alienists, to be noticed only as it becomes disturbing. Out of fear and misunderstanding we incline to minimize it or to disregard it altogether, when we can.

The usual response of intelligent minds confronted with it is beautifully defined in the words of Marlow, Conrad's narrator in *Lord Jim,* who is speaking of a scene of horror: "It had the power to drive me out of my conception of existence, out of that shelter each of us makes for himself to creep under in moments of danger, as a tortoise withdraws within its shell. For a moment I had a view of a world that seemed to wear a vast and dismal aspect of disorder, while, in truth, thanks to our unwearied efforts, it is as sunny an arrangement of small conveniences as the mind of man can conceive. But still—it was only a moment: I went back into my shell directly. One *must*—don't you know?—though I seemed to have lost all my words in the chaos of dark thoughts I had contemplated for a second or two beyond the pale. These came back, too, very soon, for words also belong to the sheltering conception of light and order which is our refuge."

That preverbal experience, in which one loses one's words, opens upon an enormous range and variety of activity. Hypnosis and other procedures such as automatic writing reveal to some degree the richness of what has been called the depths of the mind, in which apparently all the experience of the organism is in some way retained, even an incalculable multitude of experiences that never reach the threshold of awareness at all. This great psychic reservoir is not static like a letter file, or still like a pond. Certain changes evidently go on in it continually. Everyone knows from experience how a memory may alter, not merely fading but suffering distortion. Dreams are another evidence of unconscious developments.

All psychic life is activity, for even the maintenance of the established patterns is a reactivation, with inevitable variations of content and emphasis. But in the unconscious psyche and on the fringes of consciousness, change is easier because there the compulsive and inhibiting effect of system sustained by will and attention is decreased or ceases altogether. Though the system does not dissolve into nothing, it decreases in importance, becomes only an element in the unconscious psychic life, which might therefore be called the nonschematic in contrast to the conscious, which is dominated by system. The

term "nonschematic" is suitable, further, for the unconscious and fringe activity, because much of it is so lacking in apparent organization that it seems altogether chaotic. A great many of the configurations that do appear in the fringes of consciousness are continually shifting because no sign has been found to impose on them the fixed status of a scheme. They slide out of consciousness like the nameless configurations of the rocking ocean. No wonder the image most often chosen for the deeper psychic life is the sea at night.

The image is used among others by John Livingston Lowes in evoking for the readers of *The Road to Xanadu* his sense of the enormous activity out of which the poems of Coleridge were crystallized: "I have left two-thirds of the mass of entries in the Note Book completely untouched. But the whole could not make clearer one fact of profound significance for us. For there, in those bizarre pages, we catch glimpses of the strange and fantastic shapes which haunted the hinterland of Coleridge's brain. Most of them never escaped from their confines into the light of day. Some did, trailing clouds of glory as they came. But those which did not, like the stars of the old astrology, rained none the less their secret influence on nearly everything that Coleridge wrote in his creative prime. 'The Rime of the Ancient Mariner,' 'Christabel,' 'Kubla Kahn,' 'The Wanderings of Cain,' are what they are because they are all subdued to the hues of that heaving and phosphorescent sea below the verge of consciousness from which they have emerged. No single fragment of concrete reality in the array before us is in itself of such far-reaching import as is the sense of that hovering cloud of shadowy presences. For what the teeming chaos of the Note Book gives us is the charged and electrical atmospheric background of a poet's mind."

Some of Lowes' terms are strikingly like those used by Dr. R. W. Gerard in describing the nervous system, which he depicts as a fluid whole, a continual alteration of flowing electrical patterns: "Now, with our discovery of a far more fluid nervous system, one unceasingly active and with neural and electrical messages rippling the whole into dynamic patterns, which flow from one contour to another as present influences play upon the condition left by past ones—with such a picture the arrival of new neural relationships is no great problem."

It is perhaps hard to see how there should be any fixity at all in so fluid a medium. Yet the fact is that there is a great deal of stability, so much that often it interferes with life. It may be that the threat of dissolution is so great that men have developed their conservatism as a necessary guard against the dispersal of the order they live by. Whatever the cause, the tendency to distrust the widest and freest ranging of the mind is so strong that the changes necessary for the development

of human life could not be attained without the efforts of the more daring and ingenious of mankind.

The creative process is not only the concern of specialists, however; it is not limited to the arts and to thought, but is as wide as life. Or perhaps it would be more correct to say that invention in the arts and in thought is a part of the invention of life, and that this invention is essentially a single process. That view is made clear enough in Yeats' poem "Long-Legged Fly," which appears in this volume. The minds of the artist Michelangelo, of Caesar the man of action, and of the nameless girl whose movements are only the apparently trivial motions of life at play are seen to be all in the same condition: their minds move upon silence as the fly moves on the surface of a stream. They are brought into relation, that is to say, with the freer and more plentiful activity which transcends that of the schematic consciousness, the awareness which can be put into words or formed into other systems of signs. They are enlarged. It would not be correct to say that they have yielded to darkness or disorder so long as they remain responsive to the needs of life, to the pressures or tensions developing in the widened psychic activity in consequence of human interests and needs, including those interests and needs which are unsatisfied in the experience organized by current insight. They have yielded to a necessity inherent in their full psychic life.

This self-surrender so familiar to creative minds is nearly always hard to achieve. It calls for a purity of motive that is rarely sustained except through dedication and discipline. Subordination of everything to the whole impulse of life is easier for the innocent and ignorant because they are not so fully aware of the hazards of it or are less impressed by them, and they are not so powerfully possessed by convention. When their life is strong in them they can sometimes surrender themselves to it without effort. But shortly the girl in Yeats' poem will notice that somebody is looking, and then, unless she is very willful and full of disastrous genius, she will sink into convention.

Even when one has recognized the controlling center of life as lying outside the ego and the preoccupations of conscious life and has learned to look away from these, submitting to its guidance may be difficult. Some of the reasons why this is so need no further discussion. Much of the difficulty comes of the slightness and the often doubtful character of the means by which the guidance is asserted. The first intimations are likely to be embodied in apparently trivial things, objects or experiences that in our everyday life would seem to have little importance or none whatever. There are two clues to their real importance: first, the disproportionate or even wholly inexplicable satisfaction or excitement which they evoke in the creative worker; and secondly, their power to open his mind inward upon the stir of its own unorganized riches.

This is not to say that all that excites the mind in this way will lead directly to creation. The desired new order implicit in the stir of indeterminate activity cannot be seized in the abstract: it must crystallize in terms of some medium in which the worker is adept. Without craft it will escape. The elements that intimate the way of vital development may or may not be included or emphasized in the crystallization. Almost certainly the New Zealand landscape that evoked a world for Katherine Mansfield found a smaller place in her expression than it would have assumed if she had been a painter. The crystallization may, moreover, be delayed even for a long time, or some accident or obstacle may preclude it.

Yet though the exciting elements may not at first lead to any clear development, their whole aspect is of promise. Henry James describes the germinal trivia from which his stories developed as typically minute and superficially bare, but extraordinarily rich in their intimations of developments to be revealed. The very slightness of such elements is a guard against their taking the focus of attention or forcing a finished pattern upon the mind. On the other hand, it has the disadvantage of making them elusive. One must learn to seize and hold them without insistence, letting them agitate the mind when and as they may and make their own development, relinquishing them as they fade or fail of effect and taking up others to be cherished without attachment in the same way, shaping the expression of the growing insight critically—that is, consciously and rationally, drawing upon all resources of craft and understanding—in so far as that may be done without arresting spontaneous developments, always preserving the stir of the excited mind out of which the development issues.

The concentration of such a state may be so extreme that the worker may seem to himself or others to be in a trance or some similar hypnotic or somnambulistic state. But actually the state of so-called trance so often mentioned as characteristic of the creative process or of stages in it differs markedly from ordinary trance or hypnosis, in its collectedness, its autonomy, its extreme watchfulness. And it seems never to be directly induced. It appears rather to be generated indirectly, to subsist as the characteristic of a consciousness partly unfocused, attention diverted from the too-assertive contours of any particular scheme and dispersed upon an object without complete schematic representation. In short, the creative discipline when successful may generate a trance-like state, but one does not throw oneself into a trance in order to create.

Even in those stages when willed and rational effort is dominant, the creative process is essentially the delicate action of developed life. Tricks, devices, drugs, or disciplines are useful to the inventor only in so far as they support that action or empower the organism that acts. The less the worker needs to depend on external things or circumstances the safer he is from disturbances and disabling accidents. The man who comes to depend on alcohol, or on paper of a specific size, or on some one favored environment in order to get his work done has narrowed his freedom of action and he may be resorting to automatic controls or to magic instead of relying on his skill, ingenuity, and sensitiveness. It is best to avoid idiosyncrasy and to cultivate the central disciplines.

Among the conditions to which every inventor must submit is the necessity for patience. The development desired may have to be waited for, even though its character has been clearly intimated. After the first suggestion which allows anticipation of anything at all, a long gestation may be required. The need for such hidden organic development at some stage of the creative process appears to be universal. It may be completed before the first flash of suggestion that brings the creative development to attention, and the worker may then be able to go on without interruption to the conclusion of his work. William Blake claimed that some of his poetry came without any apparent premeditation, as if dictated to him. But often some period of gestation must follow the first flash of insight. With A. E. Housman it was usually short: a poem ordinarily completed itself by stages within a few hours or days. But long or short, the gestation has to be endured. Bertrand Russell has remarked upon the fruitless effort he used to expend in trying to push his creative work to completion by sheer force of will before he discovered the necessity of waiting for it to find its own subconscious development. The reasonable attitude toward this sometimes embarrassing necessity is illustrated by a famous passage in Henry Jame's preface to his novel *The American:* "I was charmed with my idea, which would take, however, much working out; and precisely because it had so much to give, I think, must I have dropped it for the time into the deep well of unconscious cerebration: not without the hope, doubtless, that it might eventually emerge from that reservoir, as one had already known the buried treasure to come to light, with a firm iridescent surface and a notable increase of weight."

Invention is easier when we learn willingly to submit to necessity, or even, like James, to find real advantage in it. One can save oneself much trouble by recognizing the limitations of the will in creation. It is interesting to see how often it is repudiated as a primary instrument in much of the creative

process by all kinds of artists and thinkers, from Picasso to John Dewey, a group so large and representative as to leave no doubt that agreement is general. Will belongs to the conscious life only. It is effective in attaining objects in view, but it cannot enable us to move in directions that have not yet been discovered. Will rather tends to arrest the undetermined development, by laying the emphasis of a heightened tension upon whatever is already in mind. When what is required is work to be done on something already defined, such an emphasis is useful. And will is helpful therefore in many matters assisting the creative process. It may help the worker to stick to his discipline. It may sustain his effort to stay at his desk—or to leave it, for the relief of too concentrated attention or for the pursuit of incitements to further spontaneous developments. Or it may make firm his purpose to dismiss the man "from Porlock."

But even in such apparently conscious matters as organizing a novel or choosing a subject for research or for a poem, the will may do vital damage. In the introduction to her novel *Mrs. Dalloway,* Virginia Woolf describes how she was forced to abandon her attempts at a plan for the book and to go forward without method or theory. Her difficulty arose from the fact that the form or plan of the novel as she knew it, was unsuitable for the expression of her impulse, which therefore was bound to be suppressed by the imposition upon its movements of the known, conventional order, the only one that could be produced by willful labor. This is not to be taken as evidence that planning is detrimental, but only that plan must not be enforced by will. Plan must come as a part of the organic development of a project, either before the details are determined, which is more convenient, or in the midst of their production, which is sometimes confusing.

It is organic need, too, rather than will, that must determine the choice of a subject. Often in this matter will and need do not come into conflict. When they do there should be no question about submitting to the vital necessity. To select a subject against inclination and force the mind to elaborate it is damaging and diminishing. The crux of the problem particularly as it exists in the arts is indicated by T. S. Eliot in his introduction to the *Selected Poems* of Marianne Moore: "For a mind of such agility, and for a sensibility so reticent, the minor subject, such as a pleasant little sand-coloured skipping animal, may be the best release for the major emotions. Only the pedantic literalist could consider the subject-matter to be trivial; the triviality is in himself. We all have to choose whatever subject-matter allows us the most powerful and most secret release; and that is a personal affair."

But by no means all the creative process is primarily a

spontaneous development. Two important stages in it are predominantly conscious and critical, and in these the will properly functions. It is of use in that preliminary labor, or sometimes less burdensome preparation, without which there can be no significant creative activity, and in the work of verification, correction, or revision that ordinarily follows the more radical inventive activity and completes or refines its product.

A great deal of the work necessary to equip and activate the mind for the spontaneous part of invention must be done consciously and with an effort of will. Mastering accumulated knowledge, gathering new facts, observing, exploring, experimenting, developing technique and skill, sensibility, and discrimination, are all more or less conscious and voluntary activities. The sheer labor of preparing technically for creative work, consciously acquiring the requisite knowledge of a medium and skill in its use, is extensive and arduous enough to repel many from achievement.

Creative workers reporting their processes of production often inadvertently conceal the amount of conscious and voluntary work by their failure to stress it or to consider it in much detail, probably because so much of it belongs primarily or even entirely to the special disciplines of the worker's field and is thought of as wholly a matter of craft or technique. It is true that some technical operations are nothing more than that, since they are determined purely by the intrinsic nature of the medium. An example is the rejection of the words "orange" or "month" as rime words in a strictly conventional sonnet because there are no exact rimes for them in English. But if, on the other hand, these words were rejected because as approximate or slant rimes, paired, say, with "forage" and "thump," they would form dissonances destructive of some creative end in view, the process would not be merely technical, though technique would be largely involved. Management of the medium becomes more complex, and the technical processes merge indissolubly with the creative process, as soon as the use of substances and forms begins to be guided by a sense of their sufficiency or insufficiency in formulating insights and attitudes. Though the technical component of such work remains ponderable in itself, it is not completely understandable except as a part of the creative process. And all of it that is not spontaneous, ordinarily a great deal, is part of the conscious and voluntary labor of the creative process.

In a different way, we are led to underestimate the labor of invention by the appearance of the finished product. Freed of every irrelevance, especially the sweat and litter of the workroom, the work of thought or art or ritual stands as the simple formula of a subjective action. The impression it gives of unlabored force is not to be trusted. There are no certain grounds

for disbelieving in the difficulty of any process of invention. Every genuinely creative worker must attain in one way or another such full understanding of his medium and such skill, ingenuity, and flexibility in handling it that he can make fresh use of it to construct a device which, when used skillfully by others, will organize their experience in the way that his own experience was organized in the moment of expanded insight. Among the users of his device may be the inventor himself, who may recover the configurations of his insight in this way, though not the full activity out of which they were crystallized. His device may even fail to remind him of his labor. All finished productions have the simplicity of order, which reveals itself rather than its origins.

Even the most energetic and original mind, in order to reorganize or extend human insight in any valuable way, must have attained more than ordinary mastery of the field in which it is to act, a strong sense of what needs to be done, and skill in the appropriate means of expression. It seems certain that no significant expansion of insight can be produced otherwise, whether the activity is thought of as work or not. Often an untutored beauty appears in the drawings of children, and we rightly prize the best of them because they have wholeness of motive, but they have scarcely the power to open the future for us. For that, the artist must labor to the limit of human development and then take a step beyond. The same is true for every sort of creative worker.

That step beyond is stimulated by labor upon the limits of attainment. The secret developments that we call unconscious because they complete themselves without our knowledge and the other spontaneous activities that go forward without foresight yet in full consciousness are induced and focused by intense conscious effort spent upon the material to be developed or in the area to be illuminated. Though the tension of conscious striving tends to overdetermine psychic activity, to narrow and fix it, such tension gives stimulation and direction to the unconscious activity which goes on after the tension is released. The desired developments are usually delayed for some time, during which presumably something like incubation is going on and attention may be profitably turned to something else. Then without warning the solution or the germinal insight may appear. This was the usual experience of Henri Poincaré and of many others. But though "inspiration" may be produced by such conscious labors, by what Katherine Mansfield called "terrific hard gardening," the procedure is not always successful; problems may remain unsolved, insights undeveloped, no matter how much effort is given to them. Nor is there always even when the procedure is successful a notable amount of unconscious development. Long periods of alter-

nating conscious and unconscious activity may be required. When the process is an agonizing, fumbling search, as it was for Thomas Wolfe, some morbid condition may be suspected, such as the hypermnesia which seems to have afflicted him with an assaulting torrent of recalled detail.

The unsearchable insight which we call inspiration is sometimes given wholly at one stroke. Poincaré indicates that for him it was. Henry James reports a somewhat similar experience in writing *The Ambassadors*. Others, like Stephen Spender, begin in considerable uncertainty and find successive clarifications in a sort of continuing inspiration as they go on with their conscious work. This happens with many workers in the arts. Van Gogh and Kuniyoshi tell of making many paintings of the same object in order to develop and refine the insight expressed in representing it. D. H. Lawrence is reported to have written *Lady Chatterley's Lover* three times. This process of reworking is very close to revision, but since it involves repeating virtually the whole process of production it appears more likely to preserve the spontaneous character of the initial attempt. Revision need not lack spontaneity, however, and there would be little in it if it did. It is hard to say whether when Allen Tate added his "wind-leaves refrain" to his "Ode to the Confederate Dead" nearly five years after the first draft of the poem was made, he was continuing the composition of the poem or revising it. Under such circumstances the distinction becomes unreal; the two processes merge.

Although the work that tests, refines, and consolidates what is attained in moments of inspiration is not likely to be, in the arts at least, all conscious calculation, it is largely so. Its object, both in art and in intellectual invention, is to make sure that the product is really serviceable. A work may seem valuable to its creator because of his sense of stirring life and fresh significance while he was producing it. After that excitement is dissipated, its intrinsic value is its only relevant one even to himself. He must find out if it will serve to organize experience in a fresh and full and useful way. To that end he tests it critically. If he finds it is not sound and complete, he may be able to make it so, either by conscious craft or consciously directed research or by a fresh exercise of his whole power to which he has been urged by a critical consciousness of his need. Or he may have to reject the work because he finds it fundamentally wrong or hopelessly vapid, or simply because he is unable to bring to it the necessary spontaneous work to complete it. Shelley, who found his inspiration declining as soon as he began to compose, and who considered the products of revision lifeless stopgaps, left many fragments.

There is much lore about the creative process that I have not discussed. Some of it is useful, some not. Whether found

gathered into books, as much of it is, or as scattered items, this material should not be approached as a body of fragments to be tested experimentally for their value in practical guidance and accepted or rejected as they are found useful or not. The caution holds even for the more highly organized material of the following essays, letters, and poems. Some of this material is conflicting. Part of it may have been shaped by individual limitations of the writers. Its authority cannot be regarded as absolute. It is more manageable and meaningful when understood in terms of the general principles by which it should also be tested, and which in turn it should test and illustrate.

Practical guidance can often be deduced from the general principles alone. Most writers find it easier to work in the morning—as one should expect, since then the mind has not been so much incited from without, focused, and fixed. John Peale Bishop recommended going as soon as possible from sleep to the writing desk. On the other hand, A. E. Housman wrote his poems mostly in the afternoon. Others have preferred to do their work at night. How shall we turn such information to guidance unless we understand that the time for work should be that time when the excited mind moves most free of the encumbrance of its consciously supported order? If we cannot because of circumstances choose the best time, we may be able to help ourselves through reducing the schematic fixation that interferes with production. Similar considerations govern our treatment of the problem of inciting unconscious work, or any other problem.

I have emphasized the value of understanding, discipline, and hard work in the creative process. High and sustained achievement demands even more, the concentration of a life. And even that is not all. In the absence of fresh insight, devotion is powerless, and the best technique is meaningless, since it can only repeat mechanically. Invention may be precluded by a distrust of deviation. Every new and good thing is liable to seem eccentric and perhaps dangerous at first glimpse, perhaps more than what is really eccentric, really irrelevant to life. And therefore we must always listen to the voice of eccentricity, within ourselves and in the world. The alien, the dangerous, like the negligible near thing, may seem irrelevant to purpose and yet the call to our own fruitful development. This does not mean that we should surrender to whatever novelty is brought to attention. It does mean that we must practice to some extent an imaginative surrender to every novelty that has even the most tenuous credentials. Because life is larger than any of its expressions, it must sometimes do violence to the forms it has created. We must expect to live the orderly ways we have invented continually conscious of the imminence of change.

Андрей Аствацатуров (СПбГУ)

Филология и Литература: возможен ли диалог?

Ключевой вопрос, который меня беспокоит, состоит в соотнесении филологических разысканий и преподавания литературного мастерства. В состоянии ли филологические изыскания помочь начинающему писателю? Одно из основных заблуждений преподавателей литературы в вузах и на гуманитарных факультетах заключается в том, что, по их мнению, они «преподают литературу». Вполне очевидно, что преподают нечто иное, отличное от литературы, которое можно скорее обозначить как «знание о литературе», некое представление о ней. На сегодняшний день теоретикам литературы уже очевидно, что теории литературы представляют собой вполне самодостаточные области, замкнутые на себе системы, развивающиеся по своим законам и едва ли касающиеся предмета. Это сказывается на характере взаимодействия мира академической филологии и мира литературы. Оно либо отсутствует, либо является крайне слабым. Если в начале XX века в России эти области были взаимосвязаны, то в настоящее время они разделены, и писатели редко интересуются современными филологическими исследованиями. Даже классические исследования поэтики, сохранившиеся скорее по инерции, не так сильно взаимодействуют с литературой, как им кажется. И здесь возникает серьезный вопрос: нужен ли филолог писателю в качестве преподавателя-тренера? На этот вопрос возможны разные ответы. Я предлагаю это обсудить, поскольку многие из нас профессиональные филологи, историки литературы.

Вопросы, которые для меня и моих коллег интересны и актуальны:

1. Как соотносится филологическое знание с проблемами письма?
2. Какой тип филологии помогает автору? Какого типа исследования писателю, строго говоря, не нужны?
3. Каким образом можно проблематизировать область, которая исчезает из сферы внимания филолога?
4. Как дополнить филологическое знание, чтобы оно сделалось актуальным для писателя?
5. Как нужно готовить преподавателей письма?

Антон Чехов

ВРАГИ

В десятом часу темного сентябрьского вечера у земского доктора Кирилова скончался от дифтерита его единственный сын, шестилетний Андрей. Когда докторша опустилась на колени перед кроваткой умершего ребенка и ею овладел первый приступ отчаяния, в передней резко прозвучал звонок.

По случаю дифтерита вся прислуга еще с утра была выслана из дому. Кирилов, как был, без сюртука, в расстегнутой жилетке, не вытирая мокрого лица и рук, обожженных карболкой, пошел сам отворять дверь. В передней было темно, и в человеке, который вошел, можно было различить только средний рост, белое кашне и большое, чрезвычайно бледное лицо, такое бледное, что, казалось, от появления этого лица в передней стало светлее...

-- Доктор у себя? -- быстро спросил вошедший.

-- Я дома, -- ответил Кирилов. -- Что вам угодно?

-- А, это вы? Очень рад! -- обрадовался вошедший и стал искать в потемках руку доктора, нашел ее и крепко стиснул в своих руках. -- Очень... очень рад! Мы с вами знакомы!.. Я -- Абогин... имел удовольствие видеть вас летом у Гнучева. Очень рад, что застал... Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной... У меня опасно заболела жена... И экипаж со мной...

По голосу и движениям вошедшего заметно было, что он находился в сильно возбужденном состоянии. Точно испуганный пожаром или бешеной собакой, он едва сдерживал свое частое дыхание и говорил быстро, дрожащим голосом, и что-то неподдельно искреннее, детски-малодушное звучало в его речи. Как все испуганные и ошеломленные, он говорил короткими, отрывистыми фразами и произносил много лишних, совсем не идущих к делу слов.

-- Я боялся не застать вас, -- продолжал он. -- Пока ехал к вам, исстрадался душой... Одевайтесь и едемте, ради бога... Произошло это таким образом. Приезжает ко мне Папчинский, Александр Семенович, которого вы знаете... Поговорили мы... потом сели чай пить; вдруг жена вскрикивает, хватает себя за сердце и падает на спинку стула. Мы отнесли ее на кровать и... я уж и нашатырным спиртом тер ей виски, и водой брызгал... лежит, как мертвая... Боюсь, что это аневризма... Поедемте... У нее и отец умер от аневризмы...

Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи.

Когда Абогин еще раз упомянул про Папчинского и про отца своей жены и еще раз начал искать в потемках руку, доктор встряхнул головой и сказал, апатично растягивая каждое слово:

-- Извините, я не могу ехать... Минут пять назад у меня... умер сын...

-- Неужели? -- прошептал Абогин, делая шаг назад. -- Боже мой, в какой недобрый час я попал! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпадение... и как нарочно!

Абогин взялся за ручку двери и в раздумье поник головой. Он, видимо, колебался и не знал, что делать: уходить или продолжать просить доктора.

-- Послушайте, -- горячо сказал он, хватая Кирилова за рукав, -- я отлично понимаю ваше положение! Видит бог, мне стыдно, что я в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием, но что же мне делать? Судите сами, к кому я поеду? Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача. Поедемте ради бога! Не за себя я прошу... Не я болен!

Наступило молчание. Кирилов повернулся спиной к Абогину, постоял и медленно вышел из передней в залу. Судя по его неверной, машинальной походке, по тому вниманию, с каким он в зале поправил на негоревшей лампе мохнатый абажур и заглянул в толстую книгу, лежавшую на столе, в эти минуты у него не было ни намерений, ни желаний, ни о чем он не думал и, вероятно, уже не помнил, что у него в передней стоит чужой человек. Сумерки и тишина залы, по-видимому, усилили его ошалелость. Идя из залы к себе в кабинет, он поднимал правую ногу выше, чем следует, искал руками дверных косяков, и в это время во всей его фигуре чувствовалось какое-то недоумение, точно он попал в чужую квартиру или же первый раз в жизни напился пьян и теперь с недоумением отдавался своему новому ощущению. По одной стене кабинета, через шкапы с книгами, тянулась широкая полоса света; вместе с тяжелым, спертым запахом карболки и эфира этот свет шел из слегка отворенной двери, ведущей из кабинета в спальню... Доктор опустился в кресло перед столом; минуту он сонливо глядел на свои освещенные книги, потом поднялся и пошел в спальню.

Здесь, в спальне, царил мертвый покой. Всё до последней мелочи красноречиво говорило о недавно пережитой буре, об утомлении, и всё отдыхало. Свечка, стоявшая на табурете в тесной толпе стклянок, коробок и баночек, и большая лампа на комоде ярко освещали всю комнату. На кровати, у самого окна, лежал мальчик с открытыми глазами и удивленным выражением лица. Он не двигался, но открытые глаза его, казалось, с каждым мгновением всё более темнели и уходили вовнутрь черепа. Положив руки на его туловище и спрятав лицо в складки постели, перед кроватью стояла на коленях мать. Подобно мальчику, она не шевелилась, по сколько живого движения чувствовалось в изгибах ее тела и в руках! Припадала она к кровати всем своим существом, с силой и жадностью, как будто боялась нарушить покойную и удобную позу, которую наконец нашла для своего утомленного тела. Одеяла, тряпки, тазы, лужи на полу, разбросанные повсюду кисточки и ложки, белая бутыль с известковой водой, самый воздух, удушливый и тяжелый, -- всё замерло и казалось погруженным в покой.

Доктор остановился около жены, засунул руки в карманы брюк и, склонив голову набок, устремил взгляд на сына. Лицо его выражало равнодушие, только по росинкам, блестевшим на его бороде, и заметно было, что он недавно плакал.

Тот отталкивающий ужас, о котором думают, когда говорят о смерти, отсутствовал в спальне. Во всеобщем столбняке, в позе матери, в равнодушии докторского лица лежало что-то притягивающее, трогающее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовалась и в угрюмой тишине; Кирилов и его жена молчали, не плакали, как будто, кроме тяжести потери, сознавали также и весь лиризм своего положения: как когда-то, в свое время, прошла их молодость, так теперь, вместе с этим мальчиком, уходило навсегда в вечность и их право иметь детей! Доктору 44 года, он уже сед и выглядит стариком; его поблекшей и больной жене 35 лет. Андрей был не только единственным, но и последним.

В противоположность своей жене доктор принадлежал к числу натур, которые во время душевной боли чувствуют потребность в движении. Постояв около жены минут пять, он, высоко поднимая правую ногу, из спальни прошел в маленькую комнату, наполовину занятую большим, широким диваном; отсюда прошел в кухню. Поблуждав около печки и кухаркиной постели, он нагнулся и сквозь маленькую дверцу вышел в переднюю.

Тут он опять увидел белое кашне и бледное лицо.

-- Наконец-то! -- вздохнул Абогин, берясь за ручку двери. -- Едемте, пожалуйста!

Доктор вздрогнул, поглядел на него и вспомнил...

-- Послушайте, ведь я уже сказал вам, что мне нельзя ехать! -- сказал он, оживляясь. -- Как странно!

-- Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение... сочувствую вам! -- сказал умоляющим голосом Абогин, прикладывая к своему кашне руку. -- Но ведь я не за себя прошу... Умирает моя жена! Если бы вы слышали этот крик, видели ее лицо, то поняли бы мою настойчивость! Боже мой, а уж я думал, что вы пошли одеваться! Доктор, время дорого! Едемте, прошу вас!

-- Ехать я не могу! -- сказал с расстановкой Кирилов и шагнул в залу.

Абогин пошел за ним и схватил его за рукав.

-- У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю я вас не зубы лечить, не в эксперты, а спасать жизнь человеческую! -- продолжал он умолять, как нищий. -- Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!

-- Человеколюбие -- палка о двух концах! -- раздраженно сказал Кирилов. -- Во имя того же человеколюбия я прошу вас не увозить меня. И как странно, ей-богу! Я едва на ногах стою, а вы человеколюбием пугаете! Никуда я сейчас не годен... не поеду ни за что, да и на кого я жену оставлю? Нет, нет...

Кирилов замахал кистями рук и попятился назад.

-- И... и не просите! -- продолжал он испуганно. -- Извините меня... По XIII тому законов я обязан ехать, и вы имеете право тащить меня за шиворот... Извольте, тащите, но... я не годен... Даже говорить не в состоянии... Извините...

-- Напрасно, доктор, вы говорите со мной таким тоном! -- сказал Абогин, опять беря доктора за рукав. -- Бог с ним, с XIII томом! Насиловать вашей воли я не имею никакого права. Хотите -- поезжайте, не хотите -- бог с вами, но я не к воле вашей обращаюсь, а к чувству. Умирает молодая женщина! Сейчас, вы говорите, у вас умер сын, кому же, как не вам, понять мой ужас?

Голос Абогина дрожал от волнения; в этой дрожи и в тоне было гораздо больше убедительности, чем в словах. Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры и умирающую где-то женщину. Он и сам это чувствовал, а потому, боясь быть непонятым, изо всех сил старался придать своему голосу мягкость и нежность, чтобы взять если не словами, то хотя бы искренностью тона. Вообще фраза, как бы она ни была красива и глубока, действует только на равнодушных, но не всегда может удовлетворить тех, кто счастлив или несчастлив; потому-то высшим выражением счастья или несчастья является чаще всего

безмолвие; влюбленные понимают друг друга лучше, когда молчат, а горячая, страстная речь, сказанная на могиле, трогает только посторонних, вдове же и детям умершего кажется она холодной и ничтожной.

Кирилов стоял и молчал. Когда Абогин сказал еще несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании и проч., доктор спросил угрюмо:

-- Далеко ехать?

-- Что-то около 13 -- 14 верст. У меня отличные лошади, доктор! Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час. Только один час!

Последние слова подействовали на доктора сильнее, чем ссылки на человеколюбие или призвание врача. Он подумал и сказал со вздохом:

-- Хорошо, едемте!

Он быстро, уже верною походкой пошел к своему кабинету и немного погодя вернулся в длинном сюртуке. Мелко семеня возле него и шаркая ногами, обрадованный Абогин помог ему надеть пальто и вместе с ним вышел из дома.

На дворе было темно, но светлее, чем в передней. В темноте уже ясно вырисовывалась высокая сутуловатая фигура доктора с длинной, узкой бородой и с орлиным носом. У Абогина, кроме бледного лица, теперь видна была его большая голова и маленькая, студенческая шапочка, едва прикрывавшая темя. Кашне белело только спереди, позади же оно пряталось за длинными волосами.

-- Верьте, я сумею оценить ваше великодушие, -- бормотал Абогин, подсаживая доктора в коляску. -- Мы живо домчимся. Ты же, Лука, голубчик, поезжай как можно скорее! Пожалуйста!

Кучер ехал быстро. Сначала тянулся ряд невзрачных построек, стоявших вдоль больничного двора; всюду было темно, только в глубине двора из чьего-то окна, сквозь палисадник, пробивался яркий свет, да три окна верхнего этажа больничного корпуса казались бледнее воздуха. Затем коляска въехала в густые потемки; тут пахло грибной сыростью и слышался шёпот деревьев; вороны, разбуженные шумом колес, закопошились в листве и подняли тревожный жалобный крик, как будто знали, что у доктора умер сын, а у Абогина больна жена. Но вот замелькали отдельные деревья, кустарник; сверкнул угрюмо пруд, на котором спали большие черные тени, -- и коляска покатила по гладкой равнине. Крик ворон слышался уже глухо, далеко сзади и скоро совсем умолк.

Почти всю дорогу Кирилов и Абогин молчали. Только раз Абогин глубоко вздохнул и пробормотал:

-- Мучительное состояние! Никогда так не любишь близких, как в то время, когда рискуешь потерять их.

И когда коляска тихо переезжала реку, Кирилов вдруг встрепенулся, точно его испугал плеск воды, и задвигался.

-- Послушайте, отпустите меня, -- сказал он тоскливо. -- Я к вам потом приеду. Мне бы только фельдшера к жене послать. Ведь она одна!

Абогин молчал. Коляска, покачиваясь и стуча о камни, проехала песочный берег и покатила далее. Кирилов заметался в тоске и поглядел вокруг себя. Позади, сквозь скудный свет звезд, видна была дорога и исчезавшие в потемках прибрежные ивы.

Направо лежала равнина, такая же ровная и безграничная, как небо; далеко на ней там и сям, вероятно, на торфяных болотах, горели тусклые огоньки. Налево, параллельно дороге, тянулся холм, кудрявый от мелкого кустарника, а над холмом неподвижно стоял большой полумесяц, красный, слегка подернутый туманом и окруженный мелкими облачками, которые, казалось, оглядывали его со всех сторон и стерегли, чтобы он не ушел.

Во всей природе чувствовалось что-то безнадежное, больное; земля, как падшая женщина, которая одна сидит в темной комнате и старается не думать о прошлом, томилась воспоминаниями о весне и лете и апатично ожидала неизбежной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась темной, безгранично глубокой и холодной ямой, откуда не выбраться ни Кирилову, ни Абогину, ни красному полумесяцу...

Чем ближе к цели была коляска, тем нетерпеливее становился Абогин. Он двигался, вскакивал, вглядывался через плечо кучера вперед. А когда, наконец, коляска остановилась у крыльца, красиво задрапированного полосатой холстиной, и когда он поглядел на освещенные окна второго этажа, слышно было, как дрожало его дыхание.

-- Если что случится, то... я не переживу, -- сказал он, входя с доктором в переднюю и в волнении потирая руки. -- Но не слышно суматохи, значит, пока еще благополучно, -- прибавил он, вслушиваясь в тишину.

В передней не слышно было ни голосов, ни шагов, и весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение. Теперь уж доктор и Абогин, бывшие до сего времени в потемках, могли разглядеть друг друга. Доктор был высок, сутуловат, одет неряшливо и лицо имел некрасивое. Что-то неприятно резкое, неласковое и суровое выражали его толстые, как у негра, губы, орлиный нос и вялый, равнодушный взгляд. Его нечесаная голова, впалые виски, преждевременные седины на длинной, узкой бороде, сквозь которую просвечивал подбородок, бледно-серый цвет кожи и небрежные, угловатые манеры -- всё это своею черствостью наводило на мысль о пережитой нужде, бездолье, об утомлении жизнью и людьми. Глядя на всю его сухую фигуру, не верилось, чтобы у этого человека была жена, чтобы он мог плакать о ребенке. Абогин же изображал из себя нечто другое. Это был плотный, солидный блондин, с большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одетый изящно, по самой последней моде. В его осанке, в плотно застегнутом сюртуке, в гриве и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперед грудь, говорил приятным баритоном, и в манерах, с какими он снимал свое кашне или поправлял волосы на голове, сквозило тонкое, почти женское изящество. Даже бледность и детский страх, с каким он, раздеваясь, поглядывал вверх на лестницу, не портили его осанки и не умаляли сытости, здоровья и апломба, какими дышала вся его фигура.

-- Никого нет и ничего не слышно, -- сказал он, идя по лестнице. -- Суматохи нет. Дай-то бог!

Он провел доктора через переднюю в большую залу, где темнел черный рояль и висела люстра в белом чехле; отсюда оба они прошли в маленькую, очень уютную и красивую гостиную, полную приятного розового полумрака.

-- Ну, посидите тут, доктор, -- сказал Абогин, -- а я... сейчас. Я пойду погляжу и предупрежу.

Кирилов остался один. Роскошь гостиной, приятный полумрак и само его присутствие в чужом, незнакомом доме, имевшее характер приключения, по-видимому, не

трогали его. Он сидел в кресле и разглядывал свои обожженные карболкой руки. Только мельком увидел он ярко-красный абажур, футляр от виолончели, да, покосившись в ту сторону, где тикали часы, он заметил чучело волка, такого же солидного и сытого, как сам Абогин.

Было тихо... Где-то далеко в соседних комнатах кто-то громко произнес звук "а!", прозвенела стеклянная дверь, вероятно, шкапа, и опять всё стихло. Подождав минут пять, Кирилов перестал оглядывать свои руки и поднял глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогин.

У порога этой двери стоял Абогин, но не тот, который вышел. Выражение сытости и тонкого изящества исчезло на нем, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли. Его нос, губы, усы, все черты двигались и, казалось, старались оторваться от лица, глаза же как будто смеялись от боли...

Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и потряс кулаками.

-- Обманула! -- крикнул он, сильно напирая на слог ну. -- Обманула! Ушла! Заболела и услала меня да доктором для того только, чтобы бежать с этим шутом Папчинским! Боже мой!

Абогин тяжело шагнул к доктору, протянул к его лицу свои белые мягкие кулаки и, потрясая ими, продолжал вопить:

-- Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь?! Боже мой! Боже мой! К чему этот грязный, шулерский фокус, эта дьявольская, змеиная игра? Что я ей сделал? Ушла!

Слезы брызнули у него из глаз. Он перевернулся на одной ноге и зашагал по гостиной. Теперь в своем коротком сюртуке, в модных узких брюках, в которых ноги казались не по корпусу тонкими, со своей большой головой и гривой он чрезвычайно походил на льва. На равнодушном лице доктора засветилось любопытство. Он поднялся и оглядел Абогина.

-- Позвольте, где же больная? -- спросил он.

-- Больная! Больная! -- крикнул Абогин, смеясь, плача и всё еще потрясая кулаками. -- Это не больная, а проклятая! Низость! Подлость, гаже чего не придумал бы, кажется, сам сатана! Услала затем, чтобы бежать, бежать с шутом, тупым клоуном, альфонсом! О боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Доктор выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налево вместе с челюстью.

-- Позвольте, как же это? -- спросил он, с любопытством оглядываясь. -- У меня умер ребенок, жена в тоске, одна на весь дом... сам я едва стою на ногах, три ночи не спал... и что же? Меня заставляют играть в какой-то пошлой комедии, играть роль бутафорской вещи! Не... не понимаю!

Абогин разжал один кулак, швырнул на пол скомканную записку и наступил на нее, как на насекомое, которое хочется раздавить.

-- И я не видел... не понимал! -- говорил он сквозь сжатые зубы, потрясая около своего лица одним кулаком и с таким выражением, как будто ему наступили на мозоль. --

Я не замечал, что он ездит каждый день, не заметил, что он сегодня приехал в карете! Зачем в карете? И я не видел! Колпак!

-- Не... не понимаю! -- бормотал доктор. -- Ведь это что же такое! Ведь это глумление над личностью, издевательство над человеческими страданиями! Это что-то невозможное... первый раз в жизни вижу!

С тупым удивлением человека, который только что стал понимать, что его тяжело оскорбили, доктор пожал плечами, развел руками и, не зная, что говорить, что делать, в изнеможении опустился в кресло.

-- Ну, разлюбила, полюбила другого -- бог с тобой, но к чему же обман, к чему этот подлый, изменнический фортель? -- говорил плачущим голосом Абогин. -- К чему? И за что? Что я тебе сделал? Послушайте, доктор, -- горячо сказал он, подходя к Кирилову. -- Вы были невольным свидетелем моего несчастья, и я не стану скрывать от вас правды. Клянусь вам, что я любил эту женщину, любил набожно, как раб! Для нее я пожертвовал всем: поссорился с родней, бросил службу и музыку, прощал ей то, чего не сумел бы простить матери или сестре... Ни разу я не поглядел на нее косо... не подавал никакого повода! За что же эта ложь? Я не требую любви, но зачем этот гнусный обман? Не любишь, так скажи прямо, честно, тем более, что знаешь мои взгляды на этот счет...

Со слезами на глазах, дрожа всем телом, Абогин искренно изливал перед доктором свою душу. Он говорил горячо, прижимая обе руки к сердцу, разоблачал свои семейные тайны без малейшего колебания и как будто даже рад был, что наконец эти тайны вырвались наружу из его груди. Поговори он таким образом час, другой, вылей свою душу, и, несомненно, ему стало бы легче. Кто знает, выслушай его доктор, посочувствуй ему дружески, быть может, он, как это часто случается, примирился бы со своим горем без протеста, не делая ненужных глупостей... Но случилось иначе. Пока Абогин говорил, оскорбленный доктор заметно менялся. Равнодушие и удивление на его лице мало-помалу уступили место выражению горькой обиды, негодования и гнева. Черты лица его стали еще резче, черствее и неприятнее. Когда Абогин поднес к его глазам карточку молодой женщины с красивым, но сухим и невыразительным, как у монашенки, лицом и спросил, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово:

-- Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! -- крикнул он и стукнул кулаком по столу. -- Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я еще недостаточно оскорблен? Что я лакей, которого до конца можно оскорблять? Да?

Абогин попятился от Кирилова и изумленно уставился на него.

-- Зачем вы меня сюда привезли? -- продолжал доктор, тряся бородой. -- Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чем тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Упражняйтесь в благородном кулачестве, рисуйтесь гуманными идеями, играйте (доктор покосился на футляр с виолончелью) -- играйте на контрабасах и тромбонах, жирейте, как каплуны, но не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать ее, так хоть избавьте ее от вашего внимания!

-- Позвольте, что это всё значит? -- спросил Абогин, краснея.

-- А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями и моветонами {Здесь: людьми дурного тона (франц. mauvais ton).}, ну и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!

-- Как вы смеете говорить мне это? -- спросил тихо Абогин, и его лицо опять запрыгало и на этот раз уже ясно от гнева.

-- Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? -- крикнул доктор и опять стукнул кулаком по столу. -- Кто вам дал право так издеваться над чужим горем?

-- Вы с ума сошли! -- крикнул Абогин. -- Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

-- Несчастлив, -- презрительно ухмыльнулся доктор. -- Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Шалопаи, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастлив. Ничтожные люди!

-- Милостивый государь, вы забываетесь! -- взвизгнул Абогин. -- За такие слова... бьют! Понимаете?

Абогин торопливо полез в боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол.

-- Вот вам за ваш визит! -- сказал он, шевеля ноздрями. -- Вам заплачено!

-- Не смеете вы предлагать мне деньги! -- крикнул доктор и смахнул со стола на пол бумажки. -- За оскорбление деньгами не платят!

Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления. Кажется, никогда в жизни, даже в бреду, они не сказали столько несправедливого, жестокого и нелепого. В обоих сильно сказался эгоизм несчастных. Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менее, чем глупцы, способны понимать друг друга. Не соединяет, а разъединяет людей несчастье, и даже там, где, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, проделывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чем в среде сравнительно довольной.

-- Извольте отправить меня домой! -- крикнул доктор, задыхаясь.

Абогин резко позвонил. Когда на его зов никто не явился, он еще раз позвонил и сердито швырнул колокольчик на пол; тот глухо ударился о ковер и издал жалобный, точно предсмертный стон. Явился лакей.

-- Где вы попрятались, чёрт бы вас взял?! -- набросился на него хозяин, сжимая кулаки. -- Где ты был сейчас? Пошел, скажи, чтобы этому господину подали коляску, а для меня вели заложить карету! Постой! -- крикнул он, когда лакей повернулся уходить. -- Завтра чтоб ни одного предателя не оставалось в доме! Все вон! Нанимаю новых! Гадины!

В ожидании экипажей Абогин и доктор молчали. К первому уже вернулись и выражение сытости и тонкое изящество. Он шагал по гостиной, изящно встряхивал головой и, очевидно, что-то замышлял. Гнев его еще не остыл, но он старался показывать вид, что не замечает своего врага... Доктор же стоял, держался одной рукой о край стола и глядел на Абогина с тем глубоким, несколько циничным и некрасивым презрением, с каким умеют глядеть только горе и бездолье, когда видят перед собой сытость и изящество.

Когда немного погодя доктор сел в коляску и поехал, глаза его всё еще продолжали глядеть презрительно. Было темно, гораздо темнее, чем час тому назад. Красный полумесяц уже ушел за холм, и сторожившие его тучи темными пятнами лежали около звезд. Карета с красными огнями застучала по дороге и перегнала доктора. Это ехал Абогин протестовать, делать глупости...

Всю дорогу доктор думал не о жене, не об Андрее, а об Абогине и людях, живших в доме, который он только что оставил. Мысли его были несправедливы и нечеловечно жестоки. Осудил он и Абогина, и его жену, и Папчинского, и всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, и всю дорогу ненавидел их и презирал до боли в сердце. И в уме его сложилось крепкое убеждение об этих людях.

Пройдет время, пройдет и горе Кирилова, но это убеждение, несправедливое, недостойное человеческого сердца, не пройдет и останется в уме доктора до самой могилы.

1887 г.

Редьярд Киплинг

ЛИСПЕТ

Рассказ

Изгнали вы любовь. Каким богам
Молиться мне в угоду вам?
Троим в одном? Иль одному в троих?
О нет, я отвергаю их.
Мне легче жить среди своих богов,
Чем в путанице троиц и Христов

"Новообращенный"

Она была дочерью горца Соно и жены его Джаде. Как-то раз у них не уродился маис, и два медведя забрались ночью на их единственное маисовое поле над долиной Сатледжа, неподалеку от Котгарха; и поэтому зимой они перешли в христианство и принесли в миссию свою дочь, чтобы ее окрестили. Котгархский пастор назвал ее Элизабет - "Лиспет", как произносят в горах на языке пахари.

Позже в Котгархской долине вспыхнула холера. Она поразила Соно и Джаде, и Лиспет стала не то служанкой, не то компаньонкой жены тогдашнего котгархского пастора. Это случилось уже после того, как в миссиях властвовали моравские братья, но Котгарх тогда еще не совсем утратил свою славу господина северных гор.

Не знаю, христианство ли пошло на пользу Лиспет или боги ее племени пеклись бы о ней не меньше, но она росла красавицей. А когда девушка с гор - красавица, стоит проехать пятьдесят миль по плохой дороге для того только, чтобы взглянуть на нее. У Лиспет было античное лицо - одно из тех лиц, которые так часто видишь на картинах и так редко в жизни, - кожа цвета слоновой кости и удивительные глаза. Для уроженки тех мест она была очень высокой, и если бы не платье из безобразного, излюбленного в миссиях набивного ситца, вы бы подумали, неожиданно встретив ее в горах, что это сама Диана вышла на охоту.

Лиспет легко приноровилась к христианству и, когда выросла, не отвернулась от него, не в пример многим другим девушкам с гор. Соплеменники не любили ее, потому что, говорили они, она сделалась мем-сахиб и каждый день умывается; а жена пастора не знала, как с ней обращаться. Казалось, неловко заставлять величавую богиню пяти футов десяти дюймов роста мыть тарелки и чистить кастрюли. Поэтому Лиспет играла с пасторскими детьми, ходила в воскресную школу, читала все книги, какие попадались ей в руки, и становилась все краше и краше, как принцесса в волшебной сказке. Жена пастора говорила, что девушке следовало бы поехать в Симлу и найти там себе какое-нибудь "приличное" место: стать няней или чем-нибудь в этом роде. Но Лиспет не хотела искать себе места. Она и в Котгархе была счастлива.

Когда путешественники - в те годы это бывало не часто – вдруг приезжали в Котгарх, Лиспет обычно запиралась у себя в комнате, боясь, как бы они не увезли ее в Симлу или еще куда-нибудь в неведомый мир.

Однажды, вскоре после того, как ей исполнилось семнадцать, Лиспет отправилась в горы. Гуляла она не так, как английские дамы - мили полторы пешком, а обратно в коляске. Во время своих "небольших" прогулок, делая миль по двадцать - тридцать, она исходила вдоль и поперек все окрестности Котгарха до самой Нарканды. На этот раз она вернулась, когда уже совсем стемнело, спустившись в Котгарх по обрывистому склону с чем-то тяжелым на руках. Жена пастора дремала в гостиной, когда, с трудом переводя дух, чуть не падая под тяжестью ноши, туда вошла Лиспет. Положив свою ношу на диван, она сказала просто:

- Это мой муж. Я нашла его на дороге в Баги. Он расшибся. Мы выходим его, и, когда он поправится, пастор нас обвенчает.

До тех пор Лиспет ни разу не упоминала о своих матримониальных намерениях, и жена пастора пришла в ужас. Однако прежде всего надо было заняться человеком, лежащим на диване. Это был молодой англичанин, на голове у него зияла рваная рана. Лиспет сказала, что нашла его у подножия горы, вот она и принесла его в миссию. Он прерывисто дышал и был без сознания.

Его уложили в постель, и пастор, имевший некоторые познания в медицине, перевязал ему рану, а Лиспет поджидала за дверью на случай, если понадобится ее помощь. Она объявила пастору, что за этого мужчину она намерена выйти замуж, и пастор и его жена строго отчитали ее за неприличие ее поведения. Лиспет спокойно их выслушала и повторила то же самое. Христианству немало еще надо потрудиться, дабы уничтожить в жителях Востока такие варварские инстинкты, как, например, любовь с первого взгляда. Лиспет не понимала, почему, найдя человека, достойного поклонения, она должна молчать об этом. И она вовсе не желала, чтобы ее отсылали прочь. Она собиралась ухаживать за англичанином, пока он не поправится настолько, что сможет на ней жениться. Такова была ее нехитрая программа.

Пролежав две недели в жару из-за воспаления раны, англичанин стал поправляться и поблагодарил пастора и его жену, и Лиспет - особенно Лиспет - за их доброту. Он путешествует по Востоку, сказал он (в те дни, когда "Восточное пароходство" только-только возникло и не располагало многими судами, "туристов" не было еще и в помине), и прибыл сюда, в горы Симлы, из Дехра-Дуна собирать растения и бабочек. Поэтому никто в Симле его не знает. Он думает, что, должно быть, упал с обрыва, когда пытался добраться до папоротника, росшего на трухлявом стволе, и что его кули бежали, захватив с собой всю поклажу. Он предполагает вернуться в Симлу, когда немного окрепнет. Лазать по горам у него отпала охота.

Он не очень спешил покинуть миссию, да и силы его восстанавливались медленно. Лиспет не желала слушать ничьих советов, поэтому жена пастора рассказала англичанину, что забрала себе в голову Лиспет. Он очень смеялся и заметил, что все это весьма романтично, настоящая гималайская идиллия, но поскольку на родине у него уже есть невеста, он полагает, что здесь и говорить не о чем. Конечно, вести себя он постарается благоразумно. И англичанин сдержал свое слово. Однако он находил весьма приятным беседовать с Лиспет, гулять с ней, шептать ей нежные слова, называть ласкательными именами, пока он набирался сил для того, чтобы навсегда их покинуть. Все это ничего не

значило для него и очень много - для Лиспет. Она была счастлива, потому что нашла человека, которого могла любить.

Дикарка по природе, Лиспет и не старалась скрывать свои чувства, и это забавляло англичанина. Когда он покидал миссию, Лиспет, встревоженная и удрученная, провожала его до самой Нарканды. Жена пастора, будучи доброй христианкой и ненавидя всякие сцены и скандалы, - а Лиспет совершенно отбилась от рук, - попросила англичанина пообещать девушке, что он вернется и женится на ней.

- Видите ли, она еще сущий ребенок и, боюсь, в душе язычница, - сказала жена пастора.

Поэтому все двенадцать миль вверх по горе англичанин, обняв Лиспет за талию, уверял ее, что он скоро вернется и они обвенчаются, и Лиспет заставляла его вновь и вновь повторять свое обещание. Расстались они на хребте Нарканды, и Лиспет плакала, пока он не скрылся из виду на повороте дороги, ведущей в Маттиани.

Тогда она вытерла слезы и снова спустилась в Котгарх и сказала жене пастора:

- Он вернется и станет моим мужем. Он поехал к своим, чтобы сообщить

об этом.

И жена пастора утешала Лиспет и говорила:

- Да, конечно, он вернется.

К концу второго месяца Лиспет стала проявлять беспокойство, и ей сказали, что англичанин уехал за море, в Англию. Она знала, где находится Англия, потому что читала простенькие учебники географии, но, естественно, не представляла себе, что такое море - ведь она выросла среди гор. В доме была старая игра-головоломка - разборная карта мира; Лиспет часто играла ею в детстве. Она снова разыскала карту и по вечерам складывала ее и тихо плакала, стараясь вообразить, где находится ее англичанин. Поскольку она не имела ни малейшего понятия о расстояниях и пароходах, ее догадки были довольно далеки от истины. Но даже если бы они были абсолютно верны, это ничего не изменило бы, потому что англичанин вовсе не имел намерения возвращаться в Котгарх, чтобы жениться на девушке с гор. Он совершенно забыл ее, пока охотился за бабочками в Ассаме. Впоследствии он написал книгу о Востоке. Имя Лиспет там не упоминалось.

Когда третий месяц подошел к концу, Лиспет стала ежедневно совершать паломничество в Нарканду, чтобы посмотреть, не идет ли по дороге ее англичанин. От этого ей становилось легче, и жена пастора, видя ее счастливей, чем прежде, решила, что она понемногу избавляется от своей "варварской и крайне нескромной причуды". Через некоторое время прогулки эти перестали помогать Лиспет, и она снова стала очень раздражительной. Жена пастора сочла, что наступило время сообщить Лиспет, каково истинное положение вещей: что англичанин обещал жениться на ней, только чтобы ее успокоить, у него этого и в мыслях не было, и что "грешно и неприлично" со стороны Лиспет думать о браке с человеком, который принадлежит к "высшей расе", не говоря уж о том, что он обручен с девушкой-англичанкой. Лиспет сказала, что это невозможно: ведь англичанин уверял ее в своей любви и она, жена пастора, сама подтвердила, что он вернется.

- Как может быть неправдой то, что он и вы говорили мне? – спросила она.

- Мы говорили так, чтобы успокоить тебя, дитя, - сказала жена пастора.

- Значит, вы лгали мне оба, - воскликнула Лиспет, - и вы и он!

Жена пастора в ответ только склонила голову. Лиспет некоторое время тоже молчала. Затем она ушла из миссии и вернулась в невероятно грязной одежде гималайских женщин, однако без колец в носу и ушах. Волосы, по обычаю женщин с гор, она заплела в длинную косу, перевитую черными нитками.

- Я возвращаюсь к своему народу, - сказала она. - Вы убили Лиспет. Осталась только дочь старой Джаде... дочь пахари и рабыня Тарка-Деви. Все вы, англичане, лгуны.

Пока жена пастора оправлялась от удара, нанесенного ей сообщением, что Лиспет возвращается к богам своих предков, девушка исчезла и никогда больше в миссии не появлялась.

Она горячо полюбила свой народ, словно желая возместить с лихвой все те годы, что чуждалась его, и вскоре вышла замуж за дровосека, который бил ее, как это водится у пахари, и красота ее быстро поблекла.

- Причуды этих дикарей непостижимы, - говорила жена пастора, - и я полагаю, что в душе Лиспет всегда оставалась язычницей.

Если учесть, что Лиспет была принята в лоно англиканской церкви в зрелом возрасте пяти недель от роду, это утверждение не делает чести жене пастора.

Лиспет дожила до глубокой старости. Она прекрасно владела английским языком и, когда бывала в достаточной мере пьяна, порой соглашалась рассказать историю своей первой любви.

И трудно было поверить, глядя на нее, что это морщинистое существо с тусклым взором, похожее на кучку истлевшей ветоши, та самая Лиспет из котгархской миссии.

1886 г.

Перевод Г. Островской

Редьярд Киплинг

ЗА ЧЕРТОЙ

Ни каста, ни сон на сломанной кровати для любви не препона.
Я отправился искать любовь и потерял себя.

Индийская пословица

При всех обстоятельствах человек должен держаться своей касты, своей расы и своего племени. Пусть белый прилепится к белому, а чёрный к чёрному. И тогда никакие превратности не нарушат привычного распорядка вещей, не будут внезапны, непостижимы или нежданны.

Вот история человека, который ступил за надёжные пределы добропорядочного и привычного ему общества и тяжко за это поплатился.

Сперва он слишком много узнал, потом слишком много увидел. Он слишком глубоко проник в чужеземную жизнь — больше он этого не повторит.

Амир-Натхов овраг расположен в самой сердцевине города, сразу же за басти Джита-Мегджи, и упирается он в стену с одним-единственным окном, забранным решёткой. В устье оврага стоит огромный хлев, а по обе стороны высятся глухие стены. Ни Сучет Сингх, ни Гаур Чанд не склонны позволять своим женщинам глядеть на мир. Держись Дурга Чаран их взглядов, он был бы сейчас куда счастливее, а маленькая Бизеза могла бы по-прежнему замешивать хлеб собственными руками. Её решётчатое окно выходило в узкий и тёмный овраг, где не бывает солнца и буйволы барахтаются в липком синем иле. Бизезе было лет пятнадцать, она уже овдовела и денно и нощно молила богов послать ей возлюбленного, потому что не была склонна к одинокой жизни.

Однажды англичанин по имени Триджего, бесцельно блуждая по городу, забрёл в Амир-Натхов овраг и, пройдя мимо буйволов, споткнулся о кучу соломенной трухи.

Тут он обнаружил, что овраг кончается тупиком, и услышал за оконной решёткой тихий смешок. Смешок этот был мелодичен, и Триджего, знавший, что для разных житейских надобностей добрые старые «Арабские ночи» — отличное руководство, подошёл поближе к окну и прошептал тот стих из «Любовной песни Хар Диала», который начинается так:

Как человеку не пасть ниц перед лицом нагого солнца? Или влюблённому при виде возлюбленной?

Если колени мои подогнутся, о сердце моего сердца, виновен ли я в этом, что краса твоя меня ослепила?

За окном тихо звякнули женские браслеты, и тоненький голос пропел пятый стих «Песни»:

Увы, увы! Как Луне поведать Лотосу о своей любви к нему, если врата небесные на запоре и собираются тучи, чреватые дождём?

Они похитили у меня возлюбленную и теперь на вьючных лошадях влекут её в сторону севера.

На ногах железные цепи, что прежде сковали моё сердце.

Призовите лучников, пусть готовят…

Песня внезапно смолкла, и Триджего ушёл из Амир-Натхова оврага, недоумевая, кто же эта женщина, которая без запинки подхватила цитату из «Любовной песни Хар Диала».

На следующее утро, когда он ехал к конторе, какая-то старуха бросила ему в коляску пакет. В пакете Триджего обнаружил половинку сломанного стеклянного браслета, кроваво-красный цветок дхака, щепотку бхусы, то есть соломенной трухи, и одиннадцать орешков кардамона. Пакет был своего рода письмом, но не бестактным и компрометирующим, а тонким и зашифрованным любовным посланием.

Я уже говорил, что Триджего слишком много знал о таких вещах. Англичанину не следует понимать язык предметных писем. Но Триджего разложил эти пустячки у себя на служебном столе и стал вникать в их смысл. Во всей Индии сломанный браслет означает вдову индуса, потому что после смерти мужа браслеты на запястьях положено разбивать. Триджего сразу сообразил, о чем говорит осколок браслета. Цветок дхака значит и «хочу», и «приди», и «напиши», и «опасность» — смотря по тому, что ещё вложено в пакет. Один орешек кардамона означает «ревность», но если в послании однородных предметов несколько, они теряют свой первоначальный смысл и просто указывают на время или, в сочетании с благовонными травами, творогом, шафраном, на место встречи. Таким образом, послание гласило: «Вдова… цветок дхака и бхуса… одиннадцать часов». Ключом к разгадке была бхуса. Триджего догадался — предметные письма невозможно понять, не обладая интуицией, — что бхуса должна привести ему на память кучу соломенной трухи, о которую он споткнулся в Амур-Натховом овраге, что пакет послала ему женщина за решётчатым окном и что она — вдова. Значит, послание гласило: «Вдова хочет, чтобы ты к одиннадцати часам пришёл в овраг, где бхуса».

Триджего бросил весь этот хлам в камин и рассмеялся. Он знал, что на Востоке мужчины не приходят на любовные свидания под окна в одиннадцать часов утра и что женщины там не уславливаются о встрече за неделю до срока. И когда наступила ночь и время стало близиться к одиннадцати, он пошёл в Амир-Натхов овраг, укрывшись накидкой, под которой мужчину не отличишь от женщины. Едва только гонги в городе возвестили одиннадцать, голосок за решёткой запел тот стих из «Любовной песни Хар Диала», в котором пантанская девушка молит Хар Диала вернуться. На местном языке песня эта действительно очень красива, но по-английски она недостаточно жалобна. Вот приблизительно как она звучит:

Одна на крыше, я гляжу на север,

Слежу зарниц вечернюю игру:

То отблески твоих шагов на север.

Вернись, любимый, или я умру.

Базар внизу безлюден и спокоен,

Устало спят верблюды на ветру,

И спят рабы — твоя добыча, воин.

Вернись, любимый, или я умру.

Жена отца сварливей год от году,

Гну спину днём, в ночи и поутру…

Слезами запиваю хлеб невзгоды.

Вернись, любимый, или я умру.

Голос умолк, и Триджего, вплотную подойдя к решётке, шепнул: «Я здесь».

Бизеза была очень хороша собой.

Эта ночь положила начало таким удивительным событиям, такой безумной двойной жизни, что сейчас Триджего иногда одолевают сомнения — а не приснилось ли ему все это. Не то Бизеза, не то её старая служанка вынули решётку из проёма в кирпичной кладке, оконная рама отворилась внутрь, и хорошо тренированному человеку легко было влезть в квадратную дыру, пробитую в неоштукатуренной стене дома.

Днём Триджего привычно исполнял свои обязанности в конторе или переодевался и наносил визиты жёнам служащих поста, размышляя при этом, долго ли поддерживали бы они с ним знакомство, если бы знали о бедной маленькой Бизезе. Ночью, когда весь город утихал, приходил черёд путешествию под прикрытием дурно пахнущей накидки; осторожный переход по басти Джита-Мегджи, молниеносный поворот в Амир-Натхов овраг, перебежка вдоль глухих стен между спящими буйволами, потом, наконец, Бизеза и глубокое, ровное дыхание старух, спавших по ту сторону двери пустой комнатки, которую Дурга Чаран отвёл дочери своей сестры. Триджего никогда не пытался узнать, кем и чем был Дурга Чаран, ему и в голову не приходило задуматься, почему это его ещё никто не обнаружил и не призрел, пока безумию его не пришёл конец, а маленькая Бизеза… Но об этом после.

Он был в полном восхищении от Бизезы. Она была первозданна, как птица, а её фантастическое изложение слухов, добиравшихся из внешнего мира до комнатушки в овраге, забавляло Триджего не меньше, чем младенчески-неуверенные попытки произнести его имя Кристофер. Первый слог так и остался для неё неодолимым препятствием, и она, потешно взмахивая руками, похожими на лепестки розы, словно отталкивала это имя, а потом, став на колени, спрашивала, как и любая англичанка, вправду ли он её любит. Триджего клялся, что она ему дороже всех на свете. И не лгал при этом.

В таком безумии прошёл месяц, и тут обстоятельства другой жизни вынудили Триджего оказать особое внимание одной знакомой даме. Можете мне поверить, что подобного рода вещи замечают и комментируют не только англичане, но и полторы-две сотни местных жителей. Триджего пришлось прогуливаться с этой дамой, и разговаривать с ней у оркестровой раковины, и несколько раз кататься с ней в коляске. Однако у него и в мыслях не было, что это может отразиться на его тайной и куда более милой ему жизни. Но, как это всегда бывает, слух таинственными путями полз все дальше и дальше и,

передаваясь из уст в уста, дошёл до служанки Бизезы, которая и пересказала его своей госпоже. Бедняжка пришла в такое волнение, что домашняя работа стала валиться у неё из рук, в результате чего жена Дурга Чарана задала ей трёпку.

Через неделю Бизеза обвинила Триджего в неверности. Никаких полутонов для неё не существовало, и говорила она напрямик. Триджего смеялся, а Бизеза топала ножкой, нежной, как цветок бархатца, и такой маленькой, что она умещалась в мужской ладони.

Многое из написанного о «восточной страстности и порывистости» преувеличено и почерпнуто из вторых рук, но кое-что справедливо; и когда англичанин обнаруживает это кое-что, он бывает поражён не меньше, чем когда страсть входит в его собственную жизнь. Бизеза метала громы и молнии и под конец пригрозила покончить с собой, если Триджего немедленно не порвёт с чужой мем-сахиб, вставшей между ними. Он пытался объяснить ей, что она не понимает точки зрения людей с Запада на такие вещи. Бизеза выпрямилась и тихо сказала:

— Не понимаю. И знаю только одно — для меня худо, что ты, сахиб, стал мне дороже моего собственного сердца. Ты ведь англичанин, а я просто чернокожая девушка, — кожа её была светлее золотого слитка на монетном дворе, — и вдова чернокожего мужчины. — Потом, зарыдав, добавила: — Но клянусь своей душой и душой моей матери, я тебя люблю. И что бы ни случилось со мной, тебя зло не коснётся.

Напрасно Триджего урезонивал её, старался утешить — она по-прежнему была в непонятном смятении. Никакие доводы на неё не действовали — отныне между ними все должно быть кончено. Пусть он сейчас же уходит. И он ушёл. Когда он вылезал из окна, Бизеза дважды поцеловала его в лоб. Домой Триджего возвращался в полном недоумении.

Неделю, три недели от Бизезы не было ни слуху ни духу. Считая, что их разлука достаточно затянулась, Триджего в пятый раз за эти три недели отправился в Амир-Натхов овраг: он надеялся, что Бизеза откликнется на его тихое постукивание по решётке окна. И не ошибся. Взошёл нарождающийся месяц, его лучи проникли в овраг и упали на решётку, которую кто-то сразу снял в ответ на стук Триджего. Из непроглядной темноты Бизеза протянула к лунному свету руки. Обе они были обрублены по запястье, и раны уже почти зажили.

Потом она опустила голову на эти обрубки и зарыдала, а в комнате кто-то заворчал, как дикий зверь, и острое оружие — нож, сабля или кинжал — вонзилось в накидку Триджего. Лезвие лишь скользнуло по его телу, но все же затронуло одну из паховых мышц, и Триджего потом всю жизнь прихрамывал.

И снова решётка закрыла окно. Дом казался необитаемым, только лунный луч на высокой стене и густая чернота Амир-Натхова оврага позади.

Триджего кричал и бесновался, как умалишённый, между этими безжалостными стенами, а потом сам уже не помнит, как оказался на рассвете у реки. Сбросив накидку, он с непокрытой головой вернулся домой.

И по сей день Триджего не знает, как произошла эта трагедия: то ли Бизеза в приступе беспричинного отчаяния сама все рассказала, то ли у неё пытками старались вырвать признание, когда обнаружили их связь; не знает он, известно ли Дурга Чарану его имя и что сталось с Бизезой… Случилось нечто неописуемо ужасное, и мысли о том, как все это происходило, порой посещают Триджего по ночам и уже не покидают до утра. Есть в этом происшествии ещё одна особенность: он до сих пор так и не ведает, куда

выходит фасад дома Дурга Чарана. Может быть, во двор вместе с несколькими другими домами, а может быть, его скрывают от глаз ворота, которых так много в басти Джита-Мегджи. Триджего ничего не знает. Ему не вернуть Бизезы — бедной маленькой Бизезы. Он потерял её в городе, где дом каждого мужчины недоступен и неопознаваем, как могила. А решётчатое окно в Амир-Натховом овраге замуровано.

Но Триджего исправно наносит визиты и слывёт вполне добропорядочным человеком.

В нем нет ничего приметного, кроме того разве, что он чуть прихрамывает на правую ногу, повреждённую во время верховой езды.

1885 г.

Перевод Э. Линецкая

Лев Толстой

ТРИ СМЕРТИ

I

Была осень. По большой дороге скорой рысью ехали два экипажа. В передней карете сидели две женщины. Одна была госпожа, худая и бледная. Другая горничная, глянцовито-румяная и полная. Короткие сухие волоса выбивались из-под полинявшей шляпки, красная рука в прорванной перчатке порывисто поправляла их. Высокая грудь, покрытая ковровым платком, дышала здоровьем, быстрые черные глаза то следили через окно за убегающими полями, то робко взглядывали на госпожу, то беспокойно окидывали углы кареты. Перед носом горничной качалась привешенная к сетке барынина шляпка, на коленях ее лежал щенок, ноги ее поднимались от шкатулок, стоявших на полу, и чуть слышно подбарабанивали по ним под звук тряски рессор и побрякиванья стекол.

Сложив руки на коленях и закрыв глаза, госпожа слабо покачивалась на подушках, заложенных ей за спину, и, слегка наморщившись, внутрено покашливала. На голове ее был белый ночной чепчик и голубая косыночка, завязанная на нежной, бледной шее. Прямой ряд, уходя под чепчик, разделял русые, чрезвычайно плоские напомаженные волосы, и было что-то сухое, мертвенное в белизне кожи этого просторного ряда. Вялая, несколько желтоватая кожа неплотно обтягивала тонкие и красивые очертания лица и краснелась на щеках и скулах. Губы были сухи и неспокойны, редкие ресницы не курчавились, и дорожный суконный капот делал прямые складки на впалой груди. Несмотря на то, что глаза были закрыты, лицо госпожи выражало усталость, раздраженье и привычное страданье.

Лакей, облокотившись на свое кресло, дремал на козлах, почтовый ямщик, покрикивая бойко, гнал крупную потную четверку, изредка оглядываясь на другого ямщика, покрикивавшего сзади в коляске. Параллельные широкие следы шин ровно и шибко стлались по известковой грязи дороги. Небо было серо и холодно, сырая мгла сыпалась на поля и дорогу. В карете было душно и пахло одеколоном и пылью. Больная потянула назад голову и медленно открыла глаза. Большие глаза были блестящи и прекрасного темного цвета.

- Опять, - сказала она, нервически отталкивая красивой худощавой рукой конец салопа горничной, чуть-чуть прикасавшийся к ее ноге; и рот ее болезненно изогнулся. Матреша подобрала обеими руками салоп, приподнялась на сильных ногах и села дальше. Свежее лицо ее покрылось ярким румянцем. Прекрасные темные глаза больной жадно следили за движениями горничной. Госпожа уперлась обеими руками о сиденье и также хотела приподняться, чтоб подсесть выше; но силы отказали ей. Рот ее изогнулся, и все лицо ее исказилось выражением бессильной, злой иронии. - Хоть бы ты помогла мне!.. Ах! не нужно! Я сама могу, только не клади за меня свои какие-то мешки, сделай милость!.. Да уж не трогай лучше, коли ты не умеешь! - Госпожа закрыла глаза и, снова быстро подняв веки, взглянула на горничную. Матреша, глядя на нее, кусала нижнюю красную губу. Тяжелый вздох поднялся из груди больной, но вздох, не кончившись, превратился в кашель. Она отвернулась, сморщилась и обеими руками схватилась за грудь. Когда кашель прошел, она снова закрыла глаза и продолжала сидеть неподвижно.

Карета и коляска въехали в деревню. Матреша высунула толстую руку из-под платка и перекрестилась.

- Что это? - спросила госпожа.

- Станция, сударыня.

- Что ж ты крестишься, я спрашиваю?

- Церковь, сударыня.

Больная повернулась к окну и стала медленно креститься, глядя во все большие глаза на большую деревенскую церковь, которую объезжала карета больной.

Карета и коляска вместе остановились у станции. Из коляски вышли муж больной женщины и доктор и подошли к карете.

- Как вы себя чувствуете? - спросил доктор, щупая пульс.

- Ну, как ты, мой друг, не устала? - спросил муж по-французски. - Не хочешь ли выйти?

Матреша, подобрав узелки, жалась в угол, чтобы не мешать разговаривать.

- Ничего, то же самое, - отвечала больная. - Я не выйду.

Муж, постояв немного, вошел в станционный дом. Матреша, выскочив из кареты, на цыпочках побежала по грязи в ворота.

- Коли мне плохо, это не резон, чтобы вам не завтракать, - слегка улыбаясь, сказала больная доктору, который стоял у окна.

"Никому им до меня дела нет, - прибавила она про себя, как только доктор, тихим шагом отойдя от нее, рысью взбежал на ступени станции. - Им хорошо, так и все равно. О! Боже мой!"

- Ну что, Эдуард Иванович, - сказал муж, встречая доктора и с веселой улыбкой потирая руки, - я велел погребец принести, вы как думаете насчет этого?

- Можно, - отвечал доктор.

- Ну, что она? - со вздохом спросил муж, понижая голос и поднимая брови.

- Я говорил: она не может доехать не только до Италии, - до Москвы дай бог. Особенно по этой дороге.

- Так что ж делать? Ах, боже мой! боже мой! - Муж закрыл глаза рукою. Подай сюда, - прибавил он человеку, вносившему погребец.

- Оставаться надо было, - пожав плечами, отвечал доктор.

- Да скажите, что же я мог сделать? - возразил муж. - Ведь я употребил все, чтобы удержать ее; я говорил и о средствах, и о детях, которых мы должны оставить, и о моих делах, - она ничего слышать не хочет. Она делает планы о жизни за границей, как бы здоровая. А сказать ей о ее положении - ведь это значило бы убить ее.

- Да она уже убита, вам надо знать это, Василий Дмитрич. Человек не может жить, когда у него нет легких, и легкие опять вырасти не могут. Грустно, тяжело, но что ж делать? Наше и ваше дело только в том, чтобы конец ее был сколь возможно спокоен. Тут духовник нужен.

- Ах, боже мой! да вы поймите мое положение, напоминая ей о последней воле. Пусть будет, что будет, а я не скажу ей этого. Ведь вы знаете, как она добра...

- Все-таки попробуйте уговорить ее остаться до зимнего пути, - сказал доктор, значительно покачивая головой, - а то дорогой может быть худо...

- Аксюша, а Аксюша! - визжала смотрительская дочь, накинув на голову кацавейку и топчась на грязном заднем крыльце. - Пойдем ширкинскую барыню посмотрим; говорят, от грудной болезни за границу везут. Я никогда еще не видала, какие в чахотке бывают.

Аксюша выскочила на порог, и обе, схватившись за руки, побежали за ворота. Уменьшив шаг, они прошли мимо кареты и заглянули в опущенное окно. Больная повернула к ним голову, но, заметив их любопытство, нахмурилась и отвернулась.

- Мм-а-тушки! - сказала смотрительская дочь, быстро оборачивая голову. Какая была красавица чудная, нынче что стало? Страшно даже. Видела, видела, Аксюша?

- Да, какая худая! - поддакивала Аксюша. - Пойдем еще посмотрим, будто к колодцу. Вишь, отвернулась, а я еще видела. Как жалко, Маша.

- Да и грязь же какая! - отвечала Маша; и обе побежали назад в ворота.

"Видно, я страшна стала, - думала больная. - Только бы поскорей, поскорей за границу, там я скоро поправлюсь".

- Что, как ты, мой друг? - сказал муж, подходя к карете и прожевывая кусок.

"Все один и тот же вопрос, - подумала больная, - а сам ест!"

- Ничего, - пропустила она сквозь зубы.

- Знаешь ли, мой друг, я боюсь, тебе хуже будет от дороги в эту погоду, и Эдуард Иваныч то же говорит. Не вернуться ли нам?

Она сердито молчала.

- Погода поправится, может быть, путь установится, и тебе бы лучше стало; мы бы и поехали все вместе.

- Извини меня. Ежели бы я давно тебя не слушала, я бы была теперь в Берлине и была бы совсем здорова.

- Что ж делать, мой ангел, невозможно было, ты знаешь. А теперь ежели бы ты осталась на месяц, ты бы славно поправилась; я бы кончил дела, и детей бы мы взяли...

- Дети здоровы, а я нет.

- Да ведь пойми, мой друг, что с этой погодой, ежели тебе сделается хуже дорогой... тогда по крайней мере дома.

- Что ж, что дома?.. Умереть дома? - вспыльчиво отвечала больная. Но слово умереть, видимо, испугало ее, она умоляюще и вопросительно посмотрела на мужа. Он опустил глаза и молчал. Рот больной вдруг детски изогнулся, и слезы полились из ее глаз. Муж закрыл лицо платком и молча отошел от кареты.

- Нет, я поеду, - сказала больная, подняла глаза к небу, сложила руки и стала шептать несвязные слова. - Боже мой! за что же? - говорила она, и слезы лились сильнее. Она долго и горячо молилась, но в груди так же было больно и тесно, в небе, в полях и по

дороге было так же серо и пасмурно, и та же осенняя мгла, ни чаще, ни реже, а все так же сыпалась на грязь дороги, на крыши, на карету и на тулупы ямщиков, которые, переговариваясь сильными, веселыми голосами, мазали и закладывали карету...

II

Карета была заложена; но ямщик мешкал. Он зашел в ямскую избу. В избе было жарко, душно, темно и тяжело, пахло жильем, печеным хлебом, капустой и овчиной. Несколько человек ямщиков было в горнице, кухарка возилась у печи, на печи в овчинах лежал больной.

- Дядя Хведор! А дядя Хведор, - сказал молодой парень, ямщик в тулупе и с кнутом за поясом, входя в комнату и обращаясь к больному.

- Ты чаво, шабала, Федьку спрашиваешь? – отозвался один из ямщиков. Вишь, тебя в карету ждут.

- Хочу сапог попросить; свои избил, - отвечал парень, вскидывая волосами и оправляя рукавицы за поясом. – Аль спит? А дядя Хведор? – повторил он, подходя к печи.

- Чаво? – послышался слабый голос, и рыжее худое лицо нагнулось с печи. Широкая, исхудалая и побледневшая рука, покрытая волосами, натягивала армяк на острое плечо в грязной рубахе. – Дай испить, брат; ты чаво?

Парень подал ковшик с водой.

- Да что, Федя, - сказал он, переминаясь, - тебе, чай, сапог новых не надо теперь; отдай мне, ходить, чай, не будешь.

Больной, припав усталой головой к глянцевитому ковшу и макая редкие отвисшие усы в темной воде, слабо и жадно пил. Спутанная борода его была нечиста, впалые, тусклые глаза с трудом поднялись на лицо парня. Отстав от воды, он хотел поднять руку, чтобы отереть мокрые губы, но не мог и отерся о рукав армяка. Молча и тяжело дыша носом, он смотрел прямо в глаза парню, сбираясь с силами.

- Може, ты кому пообещал уже, - сказал парень, - так даром. Главное дело, мокреть на дворе, а мне с работой ехать; я и подумал себе: дай у Федьки сапог попрошу, ему, чай, не надо. Може, тебе самому надобны, ты скажи…

В груди больного что-то стало переливаться и бурчать; он перегнулся и стал давиться горловым, неразрешавшимся кашлем.

- Уж где надобны, - неожиданно сердито на всю избу затрещала кухарка, второй месяц с печи не слезает. Вишь, надрывается, даже у самой внутренность болит, как слышишь только. Где ему сапоги надобны? В новых сапогах хоронить не станут. А уж давно пора, прости господи согрешенье. Вишь, надрывается. Либо перевесть его, что ль, в избу в другую, или куда. Такие больницы, слышь, в городу есть; а то разве дело – занял весь угол, да и шабаш. Нет тебе простору никакого. А тоже, чистоту спрашивают.

- Эй, Серега! Иди садись, господа ждут, - крикнул в дверь почтовый староста.

Серега хотел уйти, не дождавшись ответа, но больной глазами, во время кашля, давал ему знать, что хочет ответить.

- Ты сапоги возьми, Серега, - сказал он, подавив кашель и отдохнув немного. – Только, слышь, камень купи, как помру, - хрипя прибавил он.

- Спасибо, дядя, так я возьму, а камень, ей-ей, куплю.

- Вот, ребята, слышали, - мог выговорить еще больной и снова перегнулся вниз и стал давиться.

- Ладно, слышали, - сказал один из ямщиков. – Иди, Серега, садись, а то вон опять староста бежит. Барыня, вишь, ширкинская больная.

Серега живо скинул свои прорванные, несоразмерно большие сапоги и швырнул под лавку. Новые сапоги дяди Федора пришлись как раз по ногам, и Серега, поглядывая на них, вышел к карете.

- Эк сапоги важные! Дай помажу, - сказал ямщик с помазкою в руке, в то время как Серега, влезая на козлы, подбирал вожжи. – Даром отдал?

- Аль завидно, - отвечал Серега, приподнимаясь и повертывая около ног полы армяка. – Пущай! Эх вы, любезные! – крикнул он на лошадей, взмахнув кнутиком; и карета и коляска с своими седоками, чемоданами и важами, скрываясь в сером осеннем тумане, шибко покатились по мокрой дороге.

Больной ямщик остался в душной избе на печи и, не выкашлявшись, через силу перевернулся на другой бок и затих.

В избе до вечера приходили, уходили, обедали, - больного было не слышно. Перед ночью кухарка влезла на печь и через его ноги достала тулуп.

- Ты на меня не серчай, Настасья, - проговорил больной, - скоро опростаю угол-то твой.

- Ладно, ладно, что ж, ничаво, - пробормотала Настасья. – Да что у тебя болит-то, дядя? Ты скажи.

- Нутро все изныло. Бог его знает что.

- Небось, и глотка болит, как кашляешь?

- Везде больно. Смерть моя пришла – вот что. Ох, ох, ох! – простонал больной.

- Ты ноги-то укрой вот так, - сказала Настасья, по дороге натягивая на него армяк и слезая с печи.

Ночью в избе слабо светил ночник. Настасья и человек десять ямщиков с громким храпом спали на полу и по лавкам. Один больной слабо кряхтел, кашлял и ворочался на печи. К утру он затих совершенно.

- Чудно что-то я нынче во сне видела, - говорила кухарка, в полусвете потягиваясь на другое утро. – Вижу я, будто дядя Хведор с печи слез и пошел дрова рубить. Дай, говорит, Настя, я тебе подсоблю; а я ему говорю: куда уж тебе дрова рубить; а он как схватит топор да и почнет рубить, так шибко, шибко, только щепки летят. Что ж, я говорю, ты ведь болен был. Нет, говорит, я здоров, да как замахнется, на меня страх и нашел. Как я закричу, и проснулась. Уж не помер ли? Дядя Хведор! А дядя!

Федор не откликался.

- И то, не помер ли? Пойти посмотреть, - сказал один из проснувшихся ямщиков.

Свисшая с печи худая рука, покрытая рыжеватыми волосами, была холодна и бледна.

- Пойти смотрителю сказать, кажись, помер, - сказал ямщик.

Родных у Федора не было – он был дальний. На другой день его похоронили на новом кладбище, за рощей, и Настасья несколько дней рассказывала всем про сон, который она видела, и про то, что она первая хватилась дяди Федора.

III

Пришла весна. По мокрым улицам города, между навозными льдинками, журчали торопливые ручьи; цвета одежд и звуки говора движущегося народа были ярки. В садиках за заборами пухнули почки дерев, и ветви их чуть слышно покачивались от свежего ветра. Везде лились и капали прозрачные капли… Воробьи нескладно подпискивали и подпархивали на своих маленьких крыльях. На солнечной стороне, на заборах, домах и деревьях, все двигалось и блестело. Радостно, молодо было и на небе, и на земле, и в сердце человека.

На одной из главных улиц, перед большим барским домом, была постелена свежая солома; в доме была та самая умирающая больная, которая спешила за границу.

У затворенных дверей комнаты стояли муж больной и пожилая женщина. На диване сидел священник, опустив глаза и держа что-то завернутым в эпитрахили. В углу, в вольтеровском кресле, лежала старушка – мать больной – и горько плакала. Подле нее горничная держала на руке чистый носовой платок, дожидаясь, чтобы старушка спросила его; другая чем-то терла виски старушки и дула ей под чепчик в седую голову.

- Ну, Христос с вами, мой друг, - говорил муж пожилой женщине, стоявшей с ним у двери, - она такое имеет доверие к вам, вы так умеете говорить с ней, уговорите ее хорошенько, голубушка, идите же. – Он хотел уже отворить ей дверь; но кузина удержала его, приложила несколько раз платок к глазам и встряхнула головой.

- Вот теперь, кажется, я не заплакана, - сказала она и, сама отворив дверь, прошла в нее.

Муж был в сильном волнении и казался совершенно растерян. Он направился было к старушке; но, не дойдя несколько шагов, повернулся, прошел по комнате и подошел к священнику. Священник посмотрел на него, поднял брови к небу и вздохнул. Густая с проседью бородка тоже поднялась кверху и опустилась.

- Боже мой! Боже мой! – сказал муж.

- Что делать? – вздыхая, сказал священник, и снова брови и бородка его поднялись кверху и опустились.

- И матушка тут! – почти с отчаяньем сказал муж. – Она не вынесет этого. Ведь так любить, так любить ее, как она… я не знаю. Хоть бы вы, батюшка, попытались успокоить ее и уговорить уйти отсюда.

Священник встал и подошел к старушке.

- Точно-с, материнское сердце никто оценить не может, - сказал он, однако бог милосерд.

Лицо старушки вдруг стало все подергиваться, и с ней сделалась истерическая икота.

- Бог милосерд, - продолжал священник, когда она успокоилась немного. – Я вам доложу, в моем приходе был один больной, много хуже Марьи Дмитриевны, и что же, простой мещанин травами вылечил в короткое время. И даже мещанин этот самый теперь в Москве. Я говорил Василью Дмитревичу – можно бы испытать. По крайности утешенье для больной бы было. Для бога все возможно.

- Нет, уже ей не жить, - проговорила старушка, - чем бы меня, а ее бог берет. – И истерическая икота усилилась так, что чувства оставили ее.

Муж больной закрыл лицо руками и выбежал из комнаты.

В коридоре первое лицо, встретившее его, был шестилетний мальчик, во весь дух догонявший младшую девочку.

- Что ж детей-то, не прикажете к мамаше сводить? – спросила няня.

- Нет, она не хочет их видеть. Это расстроит ее.

Мальчик остановился на минуту, пристально всматриваясь в лицо отца, и вдруг подбрыкнул ногой и с веселым криком побежал дальше.

- Это она будто бы вороная, папаша! – прокричал мальчик, указывая на сестру.

Между тем в другой комнате кузина сидела подле больной и искусно веденным разговором старалась приготовить ее к мысли о смерти. Доктор у другого окна мешал питье.

Больная, в белом капоте, вся обложенная подушками, сидела на постели и молча смотрела на кузину.

- Ах, мой друг, - сказала она, неожиданно перебивая ее, - не приготавливайте меня. Не считайте меня за дитя. Я христианка. Я все знаю. Я знаю, что мне жить недолго, я знаю, что ежели бы муж мой раньше послушал меня, я бы была в Италии и, может быть, - даже наверно, - была бы здорова. Это все ему говорили. Но что ж делать, видно богу было так угодно. На всех нас много грехов, я знаю это; но надеюсь на милость бога; всем простится, должно быть, всем простится. Я стараюсь понять себя. И на мне было много грехов, мой друг. Но зато сколько я выстрадала. Я старалась сносить с терпением свои страданья…

- Так позвать батюшку, мой друг? Вам будет еще легче, причастившись, сказала кузина.

Больная нагнула голову в знак согласья.

- Боже! Прости меня грешную, - прошептала она.

Кузина вышла и мигнула батюшке.

- Это ангел! – сказала она мужу с слезами на глазах. Муж заплакал, священник прошел в дверь, старушка все еще была без памяти, и в первой комнате стало совершенно тихо. Через пять минут священник вышел из двери и, сняв эпитрахиль, оправил волосы.

- Слава богу, оне спокойнее теперь, - сказал он, - желают вас видеть.

Кузина и муж вышли. Больная тихо плакала, глядя на образ.

- Поздравляю тебя, мой друг, - сказал муж.

- Благодарствуй! Как мне теперь хорошо стало, какую непонятную сладость я испытываю, - говорила больная, и легкая улыбка играла на ее тонких губах. Как бог милостив! Не правда ли, он милостив и всемогущ? – И она снова с жадной мольбой смотрела полными слез глазами на образ.

Потом вдруг как будто что-то вспомнилось ей. Она знаками подозвала к себе мужа.

- Ты никогда не хочешь сделать, что я прошу, - сказала она слабым и недовольным голосом.

Муж, вытянув шею, покорно слушал ее.

- Что, мой друг?

- Сколько раз я говорила, что эти доктора ничего не знают; есть простые лекарки, они вылечивают… Вот батюшка говорил… мещанин… Пошли.

- За кем, мой друг?

- Боже мой! Ничего не хочет понимать!.. – И больная сморщилась и закрыла глаза.

Доктор, подойдя к ней, взял ее за руку. Пульс заметно бился слабее и слабее. Он мигнул мужу. Больная заметила этот жест и испуганно оглянулась. Кузина отвернулась и заплакала.

- Не плачь, не мучь себя и меня, - говорила больная, - это отнимает у меня последнее спокойствие.

- Ты ангел! – сказала кузина, целуя ее руку.

- Нет, сюда поцелуй, только мертвых целуют в руку. Боже мой! Боже мой!

В тот же вечер больная уже была тело, и тело в гробу стояло в зале большого дома. В большой комнате с затворенными дверями сидел один дьячок и в нос, мерным голосом, читал песни Давида. Яркий восковой свет с высоких серебряных подсвечников падал на бледный лоб усопшей, на тяжелые восковые руки и окаменелые складки покрова, страшно поднимающегося на коленах и пальцах ног. Дьячок, не понимая своих слов, мерно читал, и в тихой комнате странно звучали и замирали слова. Изредка из дальней комнаты долетали звуки детских голосов и их топота.

«Сокроешь лицо твое – смущаются, - гласил псалтырь, - возьмешь от них дух – умирают и в прах свой возвращаются. Пошлешь дух твой – созидаются и обновляют лицо земли. Да будет господу слава вовеки».

Лицо усопшей было строго, спокойно и величаво. Ни в чистом холодном лбе, ни в твердо сложенных устах ничто не двигалось. Она вся была внимание. Но понимала ли она хоть теперь великие слова эти?

IV

Через месяц над могилой усопшей воздвиглась каменная часовня. Над могилой ямщика все еще не было камня, и только светло-зеленая трава пробивала над бугорком, служившим единственным признаком прошедшего существования человека.

- А грех тебе будет, Серега, - говорила раз кухарка на станции, - коли ты Хведору камня не купишь. То говорил: зима, зима, а нынче что ж слова не держишь? Ведь при мне было. Он уж приходил к тебе раз просить: не купишь, еще раз придет, душить станет.

- Да что, я разве отрекаюсь, - отвечал Серега, - я камень куплю, как сказал, куплю, в полтора целковых куплю. Я не забыл, да ведь привезть надо. Как случай в город будет, так и куплю.

- Ты бы хошь крест поставил, вот что, - отозвался старый ямщик, - а то впрямь дурно. Сапоги-то носишь.

- Где его возьмешь крест-то? Из полена не вытешешь?

- Что говоришь-то? Из полена не вытешешь, возьми топор да в рощу пораньше сходи, вот и вытешешь. Ясенку ли, что ли, срубишь. Вот и голубец будет. А то, поди, еще объездчика пой водкой. За всякой дрянью поить не наготовишься. Вон я намедни вагу сломал, новую вырубил важную, никто слова не сказал.

Ранним утром, чуть зорька, Серега взял топор и пошел в рощу.

На всем лежал холодный матовый покров еще падавшей, не освещенной солнцем росы. Восток незаметно яснел, отражая свой слабый свет на подернутом тонкими тучами своде неба. Ни одна травка внизу, ни один лист на верхней ветви дерева не шевелились. Только изредка слышавшиеся звуки крыльев в чаще дерева или шелеста по земле нарушали тишину леса. Вдруг странный, чуждый природе звук разнесся и замер на опушке леса. Но снова послышался звук и равномерно стал повторяться внизу около ствола одного из неподвижных деревьев. Одна из макуш необычайно затрепетала, сочные листья ее зашептали что-то, и малиновка, сидевшая на одной из ветвей ее, со свистом перепорхнула два раза и, подергивая хвостиком, села на другое дерево.

Топор низом звучал глуше и глуше, сочные белые щепки летели на росистую траву, и легкий треск послышался из-за ударов. Дерево вздрогнуло всем телом, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колебаясь на своем корне. На мгновенье все затихло, но снова погнулось дерево, снова послышался треск в его стволе, и, ломая сучья и спустив ветви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шагов затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Ветка, которую она зацепила своими крыльями, покачалась несколько времени и замерла, как и другие, со всеми своими листьями. Деревья еще радостнее красовались на новом просторе своими неподвижными ветвями.

Первые лучи солнца, пробив сквозившую тучу, блеснули в небе и пробежали по земле и небу. Туман волнами стал переливаться в лощинах, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачные побелевшие тучки спеша разбегались по синевшему своду. Птицы гомозились в чаще и, как потерянные, щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались в вершинах, и ветви живых дерев медленно, величаво зашевелились над мертвым, поникшим деревом.

1858 г.

Лев Толстой

ПИСЬМО К ИНДУСУ

Всё, что существует, едино: люди только называют это единое разными именами
Веды

Бог есть любовь; пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.
1-е Посл. Иоанна

Бог есть одно целое; мы только части его.
Изр. Учения Вед Вивекананды

I

Не ищи спокойствия, отдыха в той земной области, которая порождает рассуждения и желания, потому что, если будешь искать этого там, ты будешь влеком через пустыню жизни, чуждой мне. Когда ты почувствуешь, что ноги твои путаются в свившихся корнях жизни, знай, что ты сбился с пути, на который я призывал тебя, потому что я поставил тебя на пути широком, легком, усыпанном цветами, и дал свет, на которым ты всегда можешь идти и следуя которому никогда не споткнешься.

Кришна

Получил ваше письмо и два номера журнала. И то и другое мне было в высшей степени интересно, так как угнетение и неизбежно вытекающее из этого развращение одних людей другими, малым числом большого числа, есть явление, всегда занимавшее и особенно живо занимающее меня последнее время. Постараюсь высказать вам то, что я думаю об этом вообще и в частности по отношению к тем причинам, вследствие которых произошли и происходят те страшные бедствия, о которых вы говорите в вашем письме и говорится в присланных вами мне номерах индийского журнала.

Причины, по которым происходит то удивительное явление, что большинство трудящихся народа подчиняется кучке праздных людей, распоряжающихся не только трудами, но и жизнью большинства, всегда и везде одни и те же, как там, где угнетаемые и угнетенные принадлежат к одному и тому же народу, так и там, где, как это происходит в Индии и в других странах, угнетатели принадлежат к иной, чем угнетенные, нации. В Индии это кажется особенно странным, так как здесь более чем 200-миллионный, высокоодаренный и духовными и телесными силами народ находится во власти совершенно чуждого ему небольшого кружка людей, стоящих в религиозно-нравственном отношении неизмеримо ниже тех людей, над которыми они властвуют. Причины эти, как видно из вашего письма и из статей "Free Hindustan", и из весьма интересных сочинений индусского писателя Свами Вивекананды и других, состоят в том же, в чем причины бедствий всех народов нашего времени: в отсутствии разумного религиозного учения,

которое, одинаково уясняя людям смысл их существования, определяло бы и высший закон, долженствующий руководить их поступками, и в замене и того и другого теми, более чем сомнительными положениями, ложной религии и ложной науки и вытекающими из того и другого безнравственными выводами, называемыми цивилизацией.

Как видно из вашего письма и из статей не только "Free Hindustan", но и из всей политической индийской литературы нового времени, большинство руководителей общественного мнения вашего народа, не приписывая уже никакого значения религиозным учениям, которые исповедовались и исповедуются индийским народом, видят единственную возможность избавления этого народа от претерпеваемого им угнетения в приобщении его к тем антирелигиозным и глубоко безнравственным формам общественного устройства, в котором живут теперь английские и другие мнимо-христианские народы. Ничто очевиднее этого стремления внушить индусскому народу усвоение форм жизни европейских народов не показывает в теперешних руководителях индусского народа полного отсутствия религиозного сознания. А между тем в этом отсутствии религиозного сознания и вытекающего из него руководства поведения, - отсутствии, общем в наше время всем народам и запада и востока, от Японии дл Англии и Америки, и заключается главная, если не единственная причина порабощения индусского народа англичанами.

II

О вы, видящие бедствия над вашими главами и под вашими ногами и справа и слева! Вечно вы будете загадкой для самих себя, пока не сделаетесь смиренными и радостными, как ребенок. Тогда признаете меня, и, познавши меня в себе, вы будете управлять мирами и, глядя из великого мира внутри себя на малый мир вне себя, вы будете благословлять все, что есть, и будете знать, что все хорошо и в вас и вне вас.

Кришна

Для того, чтобы уяснить мою мысль, должен начать немного издалека.

Как жило человечество за миллионы, хотя бы десятки тысяч лет тому назад, мы не знаем и не можем (смело скажу, и не нуждаемся) знать; но то, что человечество с тех пор, как мы что-нибудь знаем о нем, всегда жило отдельными соединениями семей, родов, народов, в которых большинство покорно и охотно, считая это неизбежно необходимым, подчинялось насилию одного или нескольких лиц, самого малого меньшинства, это мы верно знаем. Такое устройство жизни людей, несмотря на внешнее разнообразие событий и лиц, проявлялось одинаково во всех народах, о прежней жизни которых мы что-нибудь знаем. И такое устройство жизни, чем дальше назад, тем больше считалось как властвующими, так и подвластными необходимым условием возможности согласного сожития людей между собою.

Так это происходило везде.

Но, несмотря на то, что такое устройство жизни в своих внешних формах продолжалось веками, продолжается и теперь, еще очень давно, за тысячи лет до нашего времени, среди

держащегося на насилии устройства жизни, была высказываема в различные времена, среди различных народов одна и та же мысль о том, что в каждом отдельном человеке проявляется одно и то же духовное начало, дающее жизнь дающему жизнь всему существующему, и что это-то духовное начало стремится к единению со всем однородным ему и достигает этого единения любовью. Мысль эта в разных формах и с большей или меньшей полнотой и ясностью выражалась в разные времена и в разных местах. Выражалась она и в браманизме, и в еврействе, и в маздеизме (учение Зороастра), и в буддизме, и в таосизме, и в конфуцианстве, и в писаниях греческих и римских мудрецов, и в христианстве, и в магометанстве. Уже то одно, что мысль эта, одна и та же, высказывалась среди самых различных народов и в различное время, показывает то, что мысль эта была свойственна человеческой природе и заключала в себе истину. Но истина эта, провозглашавшаяся среди людей, считавших возможным соединение людей в общества только посредством употребления насилия одних над другими, была так несогласна с существующим устройством и, кроме того, была выражаема первое время своего появления так отрывочно и неясно, что люди, хотя отвлеченно и признавали ее, не могли принять ее как обязательное руководство поведения. Кроме того, со всеми выражениями этой истины, по мере того, как она высказывалась среди основанного на насилии устройства жизни людей, происходило одно и то же, а именно то, что люди, пользовавшиеся выгодами власти, чувствуя то, что признание людьми этой истины разрушало их положение, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, как могли, извращали истину, одевая ее самыми чуждыми ей прибавлениями, толкованиями, и, кроме того, прямым насилием противодействовали ее распространению. Так что свойственная человеческой природе истина о том, что жизнь человеческая должна быть руководима тем духовным началом, которое составляет основу жизни человеческой и проявляется любовью, для того, чтобы войти в сознание людей, должна была, кроме своей неясности выражения, бороться еще с умышленными и неумышленными извращениями ее, а также и с прямым насилием, заставлявшим людей наказаниями и гонениями признавать установленное властью понимание религиозного закона, противное открытой истине. Такое извращение и затемнение новой, не доведенной еще до полной ясности истины происходило везде: и в конфуцианстве, и в таосизме, и в буддизме, и в христианстве, и в магометанстве, и в вашем браманизме.

III

Моя рука рассеяла любовь повсюду, предлагая ее тем, кто хочет взять ее. Благо дано всем моим детям, но часто в своей слепоте они не видят его. Только немногие поднимают те дары, которые в изобилии лежат у их ног, но еще больше тех людей, которые в своем самодовольном легкомыслии отворачиваются от них и с плачем жалуются на то, что у них нет того, что я дал им. Многие из них отрицают не только дары мои, но и меня. Меня, источника всех благ, творца их жизни.

Кришна

О, остановись хотя на время, от суеты и борьбы мира, и я украшу твою жизнь любовью и радостью, потому что свет души - это любовь. Там, где есть любовь, есть довольство и мир, а где есть довольство и мир, там и я среди них.

Кришна

Решение безгрешного состоит в том, чтобы не причинять печали другим, хотя бы он мог через это получить великую власть.

Решение безгрешного в том, чтобы не делать зла тем, кто сделал зло ему.

Если человек заставит страдать даже тех, которые без причины ненавидят его, он в конце концов будет иметь неустранимую печаль.

Наказание делающим зло состоит в том, чтобы сделанным им великим добром заставить их устыдиться своих дел.

Какая польза в учености того, кто не старается избавить от страданий своего ближнего столько же, как и самого себя.

Если человек поутру хочет сделать зло другому, ввечеру зло посетит его.

Индийский Кюрал

Так это происходило везде. Везде истина о том, что любовь есть высшее нравственное чувство, не отвергалась и не опровергалась, но везде так искусно соединялась с таким количеством самой разнообразной лжи, извращающей ее, что от признания любви высшим нравственным чувством ничего не оставалось, кроме слов. Внушалось то, что это высшее нравственное чувство применимо только для личной жизни, годно, так сказать, для домашнего обихода, для общественной же жизни признавалось необходимым для блага большинства людей всякого рода насилия, тюрем, казней, войн, поступков, прямо противоположных самому слабому чувству любви. Несмотря на то, что здравый смысл говорил то, что, если одни люди могут быть решителями того, каких людей надо подвергать всякого рода насилиям ради предполагаемого блага многих, то и эти некоторые люди могли решать то же самое по отношению тех, кто их подвергал насилию, несмотря и на то, что великие религиозные учители - и браминские, и буддийские, и в особенности христианские, предвидя это извращение закона любви, прямо указывали на неизбежное условие любви: перенесение обид, оскорблений, всякого рода насилий без противления злу злом, люди продолжали признавать несовместимое: благодетельность любви и, вместе с тем противление злу насилием, прямо противоположное любви. И такие учения, несмотря на явное заключающееся в них противоречие, так укоренились, что люди, признавая благодетельность любви, признают вместе с тем и законность устройства жизни, оенованного на насилии, включающем нанесение одними людьми другим не только истязаний, но и смерти.

Люди долгое время жили в этом явном противоречии, не замечая его. Но пришло время, когда противоречие это всё чаще и чаще стало поражать мыслящих людей разных народов. И древняя простая истина о том, что людям свойственно помогать и любить, а не мучить и убивать друг друга, всё более и более стала выясняться, и всё менее и менее могли люди верить в те лжетолкования, которыми оправдывались отступления от нее.

В старинные времена главным средством оправдания употребления насилия, противного любви, было признание особенных, сверхъестественных прав за так называемыми государями, царями, султанами, раджами, шахами и т. п. Главами государств. Но чем дольше жили люди, тем всё больше и больше стала ослабевать вера в особенные, освященные богом права государей. Ослабевала эта вера одинаково и почти одновременно и в христианском, и в браминском, и в буддийском, и в конфуцианском мире, а в последнее время уже так ослабела, что не могла уже служить, как прежде, оправданием поступков, явно противных и здравому смыслу и истинному религиозному чувству. Люди всё яснее и яснее и уже теперь в большинстве вполне ясно видят бессмысленность и безнравственность подчинения своей воли воле таких же, как они, людей, требующих от них поступков, противных не только их выгоде, но и нравственному чувству. И потому, казалось бы, естественно людям, потеряв веру в поддерживаемую религией божественность власти всякого рода властителей, освободиться от подчинения ей. Но, к сожалению, выгодами властвования над народами пользовались не одни эти считавшиеся сверхъестественными существами государи, но везде вследствие существования этих мнимо-сверхъестественных существ образовалось в продолжение их царствования всё большее и большее количество людей, пристраивавшихся к властителям и, под видом управления народом, живших его трудами. И вот эти-то люди позаботились о том, чтобы по мере того, как ослабевал старый религиозный обман о сверхъестественном и самим богом определенном властвовании государей, вырастал такой новый обман, который мог бы, заменив старый, продолжать так же, как и старый, держать народы в рабстве немногих властителей.

IV

Хотите знать, дети, чем должны быть руководимы сердца ваши! Оставьте ваши желания и стремления к тому, что ничтожно и пусто; откиньте ваши невежественные мысли о счастье, о мудрости, о пустых и неискренних желаниях. Откиньте всё это, и вы познаете любовь.

Кришна.

Не будьте уничтожателями самих себя. Поднимитесь к вашему истинному я, поднимитесь до него, и тогда вам нечего бояться.

Кришна.

На место устарелых, отживших религиозных оправданий явились новые. Оправдания эти так же неосновательны, как и прежние, но они еще новы, так что несостоятельность их еще не сразу может быть сознана большинством, и, кроме того, люди, пользующиеся властью, так искусно распространяют и поддерживают их, что оправдания эти многим, даже тем, которые страдают от того, что они оправдывают, кажутся неопровержимыми. Новые оправдания эти называются научными. Под словом же "научное" разумеется то же самое, что разумелось под словом "религиозное", а именно то, что так же, как всё то, что

называлось религией, уже по одному тому, что называлось религией, всегда было несомненно истинно, так точно и всё то, что называется наукой, уже по одному тому, что оно называется наукой, всегда несомненно истинно. Так в данном случае отжившее религиозное оправдание насилия, заключавшееся в признании особенности, сверхъестественности лиц, стоящих во власти и утверждаемых во власти богом ("нет власти не от бога"), заменилось научным оправданием, заключающимся, во-первых, в том, что всегдашнее существование среди людей насилия одних людей над другими доказывает то, что такое насилие должно всегда существовать. В этом, то есть в том, что люди должны жить не согласно с разумом и с совестью, а с тем, что долгое время происходило между ними, -- в этом состоит то, что "наукой" называется "историческим законом". Второе же "научное" оправдание насилия состоит в том, что так как среди растений и животных происходит борьба за существование, оканчивающаяся всегда переживанием наиболее приспособленных, то эта же самая борьба должна происходить между людьми, существами, одаренными свойствами разумам и любви, -- свойствами, отсутствующими у существ, подчиняющихся закону борьбы и отбора. В этом другом "научное" оправдание насилия.

Третье же, самое главное и самое, к сожалению, распространенное научное оправдание насилия есть, в сущности, самое старое религиозное оправдание, только несколько видоизмененное, состоящее в том, что, так как в общественной жизни бывает неизбежно необходимо употребление насилия против и некоторых для блага многих, то, как ни желательна любовь людей между собою, насилие все-таки необходимо. Отличие оправдания насилия лженаукой от оправдания лжерелигией состоит только в том, что на вопрос о том, почему те, а не другие люди имеют право определять, кто именно те люди, против которых может и должно быть употреблено насилие, наука отвечает уже не то, что отвечала религия: что определения эти справедливы потому, что делаются лицами, имеющими сверхъестественную власть, а то, что определения эти представляют волю народа, которая будто бы при избирательном образе правления выражается во всех решениях я поступках людей, в данную минуту находящихся во власти.

Таковы научные оправдания насилий. Оправдания эти не только неосновательны, но прямо нелепы, но они так нужны людям, занимающим привилегированное положение, что они слепо верят в них, как прежде верили в бессеменное зачатие, и так же уверенно распространяют эту веру.

Несчастное же, задавленное трудом большинство так ослеплено той важностью, о которой передаются ему эти "научные истины", что, находясь под этим новым внушением, принимают, так же, как прежде принимали лжерелигиозные оправдания, все эти научные глупости за священную истину и продолжают рабски подчиняться своим новым, столь же жестоким, только несколько увеличившимся по численности властителям.

V

Кто я? Я то, чего ты искал с тех пор, как твой детский взгляд с удивлением смотрел на мир, пределы которого скрывают от тебя истинную жизнь. Я то, о чем ты молил в своем сердце, чего ты требовал, как право своего рождения, хотя и не знал, что это такое. Я то, что лежало в твоем сердце веками, тысячелетиями. Иногда я лежало в тебе с печалью о

том, что ты не узнаешь меня. Иногда я поднимало голову, открывало глаза и простирало руки, призывая тебя, то тихо, то громко требуя от тебя, чтобы ты возмутился против тех железных цепей земли, которые притягивали тебя к праху.

Кришна.

Так это происходило и происходит в христианском мире. Можно было надеяться, что в огромном брамино-буддийском, конфуцианском мире новое научное суеверие это не будет иметь места, и китайцы, японцы, индусы, поняв ложь религиозных обманов, оправдывающих насилие, прямо перейдут к сознанию свойственного человечеству закона любви, так сильно провозглашенного великими учителями Востока, но оказывается, что научное суеверие, заменившее религиозное, захватило и захватывает всё больше и больше восточные народы. Оно захватило уже с особенной силой и страну крайнего востока, Японию, и, кажется, уже не одних руководителей, но и большинство этого народа, гоюя ему величайшие бедствия; захватило и 400-миллионный Китай и вашу 200-миллионную Индию, или, по крайней мере, большинство людей, считающих себя, так же как и зы, руководителями этих народов.

Вы в своем журнале, как основной принцип, долженствующий руководить деятельностью вашего народа, ставите эпиграфом такую мысль: Resistance to aggression is not simply justifiable, but emperative; not resistance hurts both Altrusim and Egoism (Противодействие нападению не только справедливо, но и обязательно: непротивление вредит одинаково и альтруизму и эгоизму).

Любовь есть единственное средство спасения людей от всех претерпеваемых ими бедствий. В данном случае единственное средство освобождения вашего народа от порабощения только в любви. Любовь, как религиозная основа жизни людей, с особенной силой и ясностью была еще в далекой древности провозглашена в вашем народе. Любовь при допущении противления злу насилием есть внутреннее противоречие, так что теряет всякий смысл и значение. И что же? В 20-м веке вы, член одного из самых религиозных народов, с легким сердцем и уверенностью в своем научном просвещении и потому несомненной правоте отрицаете этот закон, повторяя ту -- простите меня -- поразительную глупость, которую внушили вам защитники насилия, враги истины, сначала служители богословия, потом науки, ваши европейские учителя.

Вы говорите, что англичане поработили и держат в порабощении индусов потому, что индусы недостаточно противились и противятся насилию силою.

Но ведь это совершенно наоборот. Если англичане поработили индусов, то только потому, что индусы признавали и признают главными, основными принципами своего общественного устройства насилие. Во имя этого принципа подчинялись своим царькам, во имя его боролись между собой, боролись с европейцами, с англичанами и теперь стараются бороться с ними.

Торговая компания поработила 200-миллионный народ. Скажите это человеку, свободному от суеверия, он не поймет, что значат эти слова. Что значит то, что 30 тысяч людей, не силачей, даже скорее слабых и дурных людей, поработили 200 миллионов живых, умных, сильных, любящих свободу людей. Разве не ясно по одним цифрам, что не англичане, а сами индусы поработили себя. Индусам жаловаться на то, что англичане поработили их, всё равно, что людям, предающимся пьянству, жаловаться на то, что

поселившиеся среди них продавцы вина поработили их. Вы говорите им, что они могут не пить, но они отвечают вам, что они так привыкли, что не могут воздержаться, что им стало необходимо поддерживать свою энергию вином. Разве не то же самое со всеми людьми, с миллионами людей, покоряющихся тысячам, сотням людей своих или чужих народов.

Если индусы порабощены насилием, то только оттого, что они сами жили насилием, живут насилием и не признают вечного, свойственного человечеству закона любви.

"Жалок и невежественен тот человек, который ищет того, что он имеет, но не знает, что имеет его. Да, жалок и невежественен человек, который не знает блага той любви, которая окружает его, которую я дал ему" (Кришна).

Только живи человек согласно с свойственным его сердце и открытым уже ему законом любви, включающей в себя непротивление, и потому естественно не участвуя в каком бы то ни было насилии, и не только сотни не поработят миллионы, но миллионы не поработят одного. Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас.

VI

О вы, сидящие в заключениях и страдающие о свободе и ищущие ее, ищите только любви. Любовь есть мир в самом себе, и мир, дающий полное удовлетворение. Я -- тот ключ, который отпирает дверь в ту редко открываемую страну, в которой одной живет довольство.

Кришна.

С человечеством нашего времени, одинаково с восточным, как и с западным, совершается то же, что совершается с каждым отдельным человеком, когда он, переходя от одного возраста в другой (ребенок в юношу, юноша в мужа), теряет прежнее руководство в жизни и, не уяснив себе еще нового, свойственного его возрасту, живет без всякого руководства и придумывает, какие может, суеты, заботы, развлечения, раздражения, одурманивания, которые бы скрыли от него, бедственность и бессмысленность его жизни. Такое состояние может продолжаться долго.

Но как при переходе одного человека от одного возраста к другому неизбежно должно наступить время, когда жизнь не может уже продолжаться попрежнему, в бессмысленной суете и раздражении, и человек должен понять, что если прежнее руководство жизни уже несвойственно ему, то это не значит то, что ему надо жить без всякого разумного руководства в жизни, а только то, что надо постараться уяснить себе то понимание жизни, которое свойственно его возрасту, и, уяснив его, руководствоваться им в своем новом возрасте. Точно такие же времена должны наступать и для движущегося и изменяющегося человечества.

И я думаю, что время такого перехода человечества от одного возраста к другому наступило теперь, и теперь не в том смысле, что оно наступило именно в 1908 году, а в

том, что то внутреннее противоречие жизни людей: сознания благодетельности закона любви и устройства жизни на противном закону любви насилии, вызвавшее бессмысленную, раздраженную, суетливую и страдальческую жизнь человечества, продолжавшееся столетия, в наше время дошло до того напряжения, при котором оно не может уже более продолжаться и неизбежно должно разрешиться, и разрешиться, очевидно, не в пользу отжившего свое время закона насилия, а в пользу с самых древних времен уже сознаваемой всем человечеством истины о том, что закон жизни людей есть закон любви.

Признание же этой истины во всем ее значении возможно для людей только тогда, когда они вполне освободятся от всех, как религиозных, так и научных, суеверий и вытекающих из них лжетолкований, извращений и нагромождений, посредством которых столько веков она скрывалась от человечества.

Для того, чтобы спасти тонущий корабль, надо выбросить из него тот балласт, который если и был, может быть, когда-нибудь нужен, теперь губит его. То же и с религиозными и научными суевериями, скрывающими от людей спасительную для них истину. Для того, чтобы люди могли воспринять истину уже не так смутно, как она представлялась им в период их детства, и не так односторонне и превратно, как она истолковывалась для них религиозными и научными учителями, а так, чтобы она стала высшим законом жизни людей, для этого нужно полное освобождение этой истины от всех, всех тех суеверий, как лжерелигиозных, так и лженаучных, которые теперь скрывают ее, освобождение не частичное, робкое, считающееся с освященным древностью преданием, с привычками народа, такое, какое в области религиозной сделано у вас Гуру Нанака, основателем религии сейков, а в христианстве Лютером и такими же реформаторами в других религиях, а полное освобождение религиозной истины от всех, как древних религиозных, так и новых научных, суеверий.

Только освободи себя люди от верования в разных ормуздов, брам, Саваофов, в воплощения их в Кришнах и христах, от верований в рай и ад, ангелов и демонов, от перевоплощений и воскресений, от вмешательства бога во внешнюю земную жизнь; освободи себя, главное, от признания непогрешимости разных вед, библий, евангелий, трипитак, коранов и т. п.; освободи себя люди точно так же и от слепого верования в разные научные учения о бесконечно малых атомах, молекулах, о разных бесконечно великих и бесконечно удаленных мирах, их движениях и происхождении их, силах, от слепой веры в несомненность разных научных мнимых законов, которым будто бы подчинено человечество, -- законов исторических, экономических, законов борьбы и переживания и т. п.; освободи себя только люди от этого страшного загромождения праздных упражнений низших способностей ума и памяти, называемых науками, от всех этих бесчисленных отделов разных историй, антропологии, гомилетик, бактериологии, юриспруденции, космографии, стратегий, им же имя легион, -- только освободись люди от этого губительного, одуряющего их балласта, и тот простой, ясный, доступный всем и разрешающий все вопросы и недоумения закон любви, который так свойственен человечеству, станет сам собой ясным и обязательным.

VII

Дети, смотрите на цветы под вашими ногами, не топчите их. Смотрите на любовь между вами, не отвергайте ее.

Кришна.

Есть один высший разум, превосходящий все человеческие умы. Он далек и близок. Он проникает все миры и вместе с тем до бесконечности выше их.

Человек, который видит, что все вещи содержатся в высшем духе и что высший дух проникает все существа, не может относиться с презрением ни к какому существу.

Для того, для кого все духовные существа одинаковы с высшим, не может быть места для обмана или для печали. Те, кто невежественны, преданы одним обрядам религии, находятся в густом мраке, но те, кто преданы только бесплодным размышлениям, находятся в еще большей темноте.

Упанишады из Вед.

Да, в наше время людям для избавления себя от наносимых ими самим себе, дошедших до высшей степени бедствий: индусу ли, ищущему своего освобождения от английского порабощения, или какому бы то ни было человеку в борьбе его с насильниками, будут ли эти насильники люди своего или чужого народа, в борьбе или негра с северо-американпами, или персияяина, русского, турка со своим персидским, русским, турецким правительством, как и вообще для каждого человека, ищущего и наибольшего блага как для себя, так и для всех людей, нужны не новые объяснения и оправдания старых религиозных суеверий, как это делали у вас Вивекананды, Баба-Барати и другие, и у нас, в христианстве, бесчисленное количество таких же новых толкователей и разъяснителей того, что никому ни на что не нужно; и не бесчисленные науки о предметах не только никому не нужных, но большею частью вредных (в духовной области не бывает безразличного, а то, что не полезно, всегда вредно). Нужны как индусу, так и англичанину, и французу, и немцу, и русскому не конституции, не революции, не какие-либо конференции, не конгрессы, не новые хитрые изобретения подводного плавания, воздушного летания, могущественных взрывов или различного рода удобств для удовольствия богатых, властвующих классов, не новые училища, университеты с преподаванием бесчисленных наук, не увеличение газет и книг, и граммофонов, и кинематографов, не те ребяческие, большею частью развратные глупости, которые называются искусствами, а нужно только одно: знание той простой, ясной, укладывающейся в душе каждого человека, не одуренного религиозными и научными суевериями, истины о том, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающий высшее благо как отдельному человеку, так и всему человечеству. Только освободись люди в сознании своем от тех гор чепухи, которые скрывают теперь от них истину, и та, несомненно вечная, всегда свойственная всем людям истина, которая одна и та же во всех великих религиях мира, сама собой выделится из всей той лжерелигиозной чепухи, которая теперь скрывает ее. А выделится эта истина так, что войдет в сознание людей, и сама собой исчезнет вся та чепуха, которая скрывает ее, и вместе с ней и то зло, от которого теперь страдает человечество.

"Дети, взгляните вверх своими ослепленными глазами, и мир, полный радости и любви, откроется вам, разумный мир, сделанный моей мудростью, один мир действительный.

Тогда вы узнаете, что любовь сделала с вами, чем наградила вас любовь и чего она от вас хочет" (Кришна).

14 дек. 1908 г.

Рекомендуемая библиография от Криса Меррилла

Carlson, Ron. *Ron Carlson Writes a Story*. Saint Paul: Graywolf Press, 2007.

Fulton, Alice. *Feeling as a Foreign Language: The Good Strangeness of Poetry*. Saint Paul: Graywolf Press, 1999.

Gardner, John. *The Art of Fiction: Notes on Craft for Young Writers*. New York: Alfred A. Knopf, 1984.

Ghiselin, Brewster (ed.). *The Creative Process: A Symposium*. Berkeley: University of California Press, 1952.

Hampl, Patricia. *I Could Tell You Stories: Sojourns in the Land of Memory*. New York: W. W. Norton & Company, 1999.

Hirsch, Edward. *The Demon and the Angel: Searching for the Source of Artistic Inspiration*. New York: Harcourt, Inc., 2002.

Karr, Mary. *The Art of Memoir*. New York: Harper Perennial, 2016.

King, Stephen. *On Writing: A Memoir of the Craft.* New York: Scribner, 2000.

Koch, Kenneth. *Making Your Own Days: The Pleasures of Reading and Writing Poetry*. New York: Scribner, 1998.

Lopate, Philip. *To Show and To Tell: The Craft of Literary Nonfiction*. New York: The Free Press, 2013.

McDowell, Gary L. and Rzicznek, F. Daniel (eds.). *The Rose Metal Press Field Guide to Prose Poetry: Contemporary Poets in Discussion and Practice*. Brookline: Rose Metal Press, 2010.

Miller, James E. Jr. (ed.). *Theory of Fiction: Henry James*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1972.

Richardson, Robert D. *First We Read, Then We Write: Emerson on the Creative Process.* Iowa City: University of Iowa Press, 2009.

Turner, Alberta (ed.). *Fifty Contemporary Poets: The Creative Process*. White Plains: Longman Inc., 1977.

Voigt, Ellen Bryant. *The Art of Syntax: Rhythm of Thought, Rhythm of Song*. Saint Paul: Graywolf Press, 2009.